

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. Д. СУХОВ

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ
КОРНИ РЕЛИГИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

А. Д. СУХОВ

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ
КОРНИ РЕЛИГИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · 1961

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
П. Ф. КОЛОНИЦКИН

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что некоторая часть граждан социалистического общества все еще находится под влиянием различных религиозных верований. Перед научно-атеистической пропагандой стоит ответственная задача помочь этим трудящимся освободиться от религиозных предрасудков. В частности, необходимо разъяснить, какие причины породили религию, иными словами, что представляют собой ее социальные и гносеологические корни. Исследование этих вопросов необходимо также для материалистического понимания истории религии, методологической основой которой является марксистское учение о корнях религии.

Что же представляют собой социальные и гносеологические корни религии?

Религия — это продукт определенной исторической эпохи, поэтому вопрос о социальных (общественных) корнях религии — это вопрос о тех общественных условиях, которые ее порождают. Но религия не может возникнуть помимо сознания человека. Для ее возникновения необходимо, чтобы определенные общественные отношения получили отражение в человеческой голове. Поэтому, помимо социальных, религии свойственны еще гносеологические (познавательные) корни. Вопрос о гносеологических корнях религии — это вопрос о том, как под влиянием определенных социальных факторов формируется религия в сознании человека, каким образом в результате деятельности человеческого сознания возникает это фантастически искаженное отражение действительности. Социальные и гносеологические корни религии представляют собой определенное единство.

Заслуга постановки и научного решения проблемы социальных и гносеологических корней религии принадлежит марксизму.

Домарксистская философия не смогла выполнить эту задачу. Идеализм, конечно, не мог сделать какой-либо серьезный шаг в этом направлении. Но и домарксистский материализм не установил основных причин возникновения религии. Это объясняется исторически обусловленными недостатками домарксистского материализма, не распространявшегося на область общественных явлений. Материалисты в области изучения природы оставались идеалистами в области изучения общества. Но, не изучив общественные отношения с позиций материализма, нельзя было вскрыть социальные корни религии.

Вскрыть социальные корни религии — это значит объяснить существование религии в данном обществе социальными условиями, социальными противоречиями данного общества. Домарксистский материализм в лучшем случае мог лишь *свести* религию к ее земной основе, показать, что религия есть искаженное отражение земных отношений. В этом заключается, в частности, большая историческая заслуга фейербаховского материализма в его борьбе с религией. Но недостатком фейербаховского материализма (как и домарксистского материализма вообще) явилось то, что он ограничился этим сведением, видя в этом свою главную задачу. Вот что писал об этом сам Л. Фейербах: «*Главная* наша задача выполнена. Мы *свели* внемировую, сверхъестественную и сверхчеловеческую сущность бога к составным частям существа человеческого как к его основным элементам»¹ (Курсив наш.— А. С.).

Марксизм иначе представляет себе задачу объяснения причин существования религии. К. Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе» писал, что после сведения Фейербахом религии к ее земной основе главное остается еще не сделанным. «А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое

---

¹ Л. Фейербах. Избранные философские произведения, т. II М., 1955, стр. 219.

самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Следовательно, последняя, во-первых, сама должна быть понята в своем противоречии, а затем практически революционизирована путем устранения этого противоречия»².

Таким образом, марксизм видит свою главную задачу в этой области *не в сведении* религии к земной основе, а *выведении* ее из этой породившей ее земной основы. Домарксистский атеизм в общем и целом уже установил, что религия — это фантастическое отражение окружающей человека действительности, что она, следовательно, имеет земную основу. Но почему эта земная основа порождает религию? На этот вопрос домарксистский атеизм не может дать правильного, научно обоснованного ответа. Марксизм находит причины, которые делают возможным возникновение и существование религии в человеческом обществе. Он объясняет возникновение и существование религии определенными социальными (общественными) условиями. Он вскрывает тем самым социальные корни религии, а следовательно, и указывает пути их ликвидации.

В этом действенном подходе заключается коренное отличие диалектического материализма в его борьбе с религией от всего предшествующего, домарксистского материализма.

В области установления гносеологических источников религии известная работа была проделана уже домарксистской философией. Здесь нужно особенно подчеркнуть роль Л. Фейербаха, который показал значение отдельных сторон человеческого сознания в процессе возникновения религии. Рассматривая этот процесс, Фейербах много внимания уделил роли абстрактного мышления и фантазии. Однако домарксистский материализм был материализмом метафизическим, в основном идеалистически трактовавшим общественные явления, имевшим созерцательный характер и не видевшим роли общественной практики в процессе познания. Для установления гносеологических корней религии была необходима, кроме того, разработка

---

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 3, стр. 2.

диалектико-материалистической теории познания. Поэтому домарксистский материализм не вскрыл социальные и гносеологические корни религии, ограничиваясь разработкой лишь отдельных сторон вопроса. Социальные и гносеологические корни можно научно показать лишь в их единстве.

Эту задачу выполнил марксизм, что отнюдь не умаляет той исторической роли, которую сыграл домарксистский материализм в борьбе с религией. Домарксистский материализм, подвергая религию остроумной и беспощадной критике, дал в свое время непревзойденные образцы воинствующего атеизма. Марксистский атеизм развился на основе всего предшествующего атеизма, усвоив все лучшее, что было накоплено этим последним. Но марксистский атеизм есть качественно новая ступень в развитии атеизма, обусловленная новыми историческими условиями. «Мы должны бороться с религией,— говорит В. И. Ленин.— Это — азбука *всего* материализма, и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо *уметь* бороться с религией, а для этого надо *материалистически* объяснить источник веры и религии у масс»³.

Развивая учение К. Маркса и Ф. Энгельса о религии как фантастическом отражении действительности, порожденном подавленностью человека силами природы и общества, В. И. Ленин ввел в науку понятия социальных и гносеологических корней религии. В. И. Ленин утверждал, что в современных капиталистических странах главную роль играют социальные корни религии. Вместе с тем он подчеркивал, что у религии и философского идеализма имеются и гносеологические корни. В. И. Ленин писал, что поповщина «есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания»⁴.

В советской литературе проблема социальных и гносеологических корней рассматривалась в работах П. Н. Федосеева, И. А. Крывелева, Ю. А. Левады и некоторых других

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 374

⁴ Там же, т. 38, стр. 361.

исследователей. Однако нельзя считать, что в настоящее время эта проблема исследована всесторонне. В частности, недостаточно разработан следующий круг вопросов: какой комплекс общественных явлений охватывает собой понятие социальных корней религии, каково соотношение понятия социальных корней религии и таких категорий исторического материализма, как способ производства, классы и классовая борьба, идеология и идеологические отношения, каково соотношение социальных корней религии и ее экономических, классовых и идеологических корней. Не исследован в достаточной мере вопрос об изменении социальных корней религии в различных формациях и об изменении в соответствии с этим характера религиозной идеологии. Дискуссионным является вопрос, в чем проявляется подрыв социальных корней религии при социализме. Не получил также достаточного освещения вопрос о гносеологических корнях религии, их связи с социальными.

Эти вопросы и будут затронуты в данной работе.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ РЕЛИГИИ

1. Сущность социальных корней религии

Социальные корни религии — это совокупность общественных отношений, общественных условий, порождающих религию и делающих возможным ее существование. Необходимо подчеркнуть, что было бы неправильно свести социальные корни религии к одной из причин ее порождающих, как бы ни была важна сама по себе эта причина. В частности, подмена термина «социальные корни» термином «классовые корни» как понятием тождественным была бы неправильна, так как классовые корни религии не исчерпывают социальных причин ее существования. Чтобы охватить всю совокупность общественных условий, порождающих и сохраняющих религию, следует говорить о социальных корнях религии. Именно в этом смысле использовал этот термин в своих работах В. И. Ленин. Понятие «социальные корни» религии более универсально, чем понятие «классовые корни». Социальные корни религии существуют не только в классовом обществе, они существовали и в бесклассовом обществе. Религия впервые возникла в бесклассовом обществе — в эпоху первобытнообщинного строя. Уже там имелись социальные корни религии, ибо религия, как и всякая идеология, возникает, существует и развивается в силу условий социальных. Но и в обществе, разделенном на антагонистические классы, социальные причины религии не могут быть сведены к ее классовым корням. Классовые и социальные корни религии — это часть и целое, причем данное целое не обязательно включает в себя эту часть. Экономические, классовые и идеологические корни религии — это составные части ее социальных корней.

Для того чтобы вскрыть причины возникновения и существования религии, необходимо рассмотреть условия, в которых протекает жизнь общества.

Прежде всего, каковы экономические причины, или, как говорил В. И. Ленин, *экономические корни религии?*

Важнейшим материальным условием жизни общества является способ производства, определяющий собой в конечном счете всю общественно-экономическую формацию. Поэтому нельзя понять причины возникновения религии, степень ее распространения в определенные периоды исторического развития, роль религии и церкви в общественной жизни, характер и содержание религиозной идеологии, наконец, отмирание религии в коммунистической формации, не обращаясь к производству, к истории сменяющих друг друга способов производства.

Производительные силы, выражающие отношение людей к природе в процессе производства, имеют двойное значение в процессе формирования религиозной идеологии. Во-первых, производительные силы определяют характер производственных отношений, совокупность которых составляет базис общества, над которым возникает идеологическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Производительные силы оказывают воздействие здесь косвенным путем, через базис: религия порождается определенной совокупностью производственных отношений, соответствующих определенному уровню развития производительных сил. Во-вторых, на религию также оказывает влияние характер отношения человека к природе, степень зависимости человека от явлений природы. В своих отношениях с природой человек проходит путь от почти полной беспомощности перед силами и явлениями природы до овладения закономерностями природы, эффективного использования их в интересах и на благо всего человечества. Господство сил и явлений природы над человеком, беспомощность человека перед ними — это один из существенных факторов, порождающих религию. Именно бессилие человека в его борьбе с природой впервые в истории общества привело к возникновению религиозной идеологии. Зависимость от сил и явлений природы, беспомощность в борьбе

с ними является прежде всего следствием низкого уровня развития производительных сил.

Другой стороной способа производства являются производственные отношения, они выступают в качестве важнейшей социальной основы религии.

Если не считать первобытнообщинного строя, то во всех докоммунистических формациях эти отношения являются эксплуататорскими. В итоге бессилие (или слабость) человека в борьбе с природой дополняется бессилием эксплуатируемых в борьбе с эксплуататорами.

В обществе, где человек не может осуществить свое господство над природными и общественными силами, сам общественно-исторический процесс протекает в основном стихийно. Подобно тому, как люди до поры до времени не могут подчинить себе стихийные силы природы, они оказываются не в состоянии обуздать и стихийные силы общественного развития, вызывающие эксплуатацию человека человеком, войны, обогащение одних и разорение других, взлеты и падения различных государств и т. д. и т. п. В эксплуататорском обществе угнетение человека человеком, ведущее к распространению религии, проявляется в различных формах: это не только эксплуатация в процессе производства, но и национальный и колониальный гнет, а также семейные отношения, основанные на неравноправном положении женщины в семье. Эксплуатация человека человеком влечет за собой нищету народных масс, низкий культурный уровень трудящихся.

Это и есть условия широкого распространения религии среди народных масс.

Общественно-экономическая формация часто не представляет собой однородной картины, в частности в экономическом отношении. Тот или иной способ производства может оказаться существующим наряду с остатками отживающего, старого способа производства, а также с зачатками нарождающегося, нового способа производства. Наряду с господствующими производственными отношениями часто существуют негосподствующие производственные отношения. Все это усложняет экономическую структуру общества. Развитие того или иного типа общественно-экономической формации совершается часто в

различных исторических условиях. Поэтому тот или иной тип общественно-экономической формации может проявляться в весьма разнообразных формах. Все это оказывает существенное воздействие также и на религиозную идеологию.

Однако марксизм далек от того, чтобы выводить все содержание той или иной идеологии исключительно из способа производства, чтобы сводить все причины существования религиозной идеологии к экономическим условиям, к «экономическим корням». Было бы неправильно выводить характер и содержание религии исключительно и непосредственно из того или иного способа производства. Это было бы грубой вульгаризацией марксизма.

Марксизм признает лишь тот факт, что определяющим и решающим условием развития всякой идеологии, в том числе и религиозной, является в конечном счете способ производства. Марксизм никогда не считал, что способ производства является единственным и непосредственным источником идеологии, в частности религиозной идеологии. Но при этом необходимо учитывать то, что другие социальные источники религии имеют своей основой экономические причины. Порождая религию, они сами порождены определенным способом производства. К подобным социальным источникам религии относятся прежде всего классовые отношения антагонистического общества («классовые корни» религии), а также определенные идеологические отношения и соответствующие формы идеологии. Способ производства, классовые и идеологические отношения, идеология общества находятся в постоянном взаимодействии. Но способ производства остается решающим фактором этого взаимодействия.

Остановимся на *классовых корнях религии*.

Вся история общества, разделенного на антагонистические классы, есть история классовой борьбы. Идеология в классовом обществе, в частности религиозная, отражает способ производства через посредство классовой борьбы, сама вплетаясь в эту борьбу. Классовый строй общества оказывает серьезное воздействие на религиозную идеологию, направляя процесс ее формирования в определенную сторону.

Классовая структура общества в первую очередь обусловлена наличием основных классов; производственные отношения между ними составляют базис данной общественно-экономической формации. В рабовладельческом обществе основными классами являются рабовладельцы и рабы, в феодальном — помещики и крепостные крестьяне, в капиталистическом — капиталисты и рабочие. Характер отношений между основными классами общества определяет классовую направленность религиозной идеологии. Но наряду с основными классами в каждом классовом обществе существуют еще и неосновные классы, оказывающие тем не менее серьезное влияние на характер классовой структуры данного общества. Таким неосновным классом в рабовладельческом обществе является класс мелких свободных производителей, сохранившийся со времен первобытнообщинного строя, причем в ряде стран крестьянская община сохранялась в последовательно сменявших друг друга общественных формациях. Неосновными классами, которые формировались в рабовладельческом обществе эпохи Римской империи были колонаты и землевладельцы, представлявшие возникающий и развивающийся в недрах рабовладельческого строя феодальный способ производства. В феодальном обществе неосновными классами являются зарождающиеся в его недрах классы буржуазии и пролетариата. В капиталистическом обществе к неосновным классам относится, например, крестьянство, дифференцирующееся в условиях капитализма и пополняющее своими представителями основные классы буржуазного общества, главным образом пролетариат. Неосновные классы общества являются классами переходными. Они являются представителями или гибнущего старого общества или нарождающегося нового. Наличие неосновных классов общества, их взаимоотношения с основными, а также между собой — все это оказывает значительное влияние на характер религиозной идеологии. Неодинаковая степень развития неосновных классов общества в различных странах и в различных исторических условиях ведет к различию в характере религии и ее роли в жизни общества в пределах одной и той же общественной формации. Например,

наличие в странах рабовладельческого Востока огромных масс крестьянства явилось как это будет показано ниже, одним из решающих условий значительного отличия религий древнего Востока от религиозной идеологии античного мира.

Официальная, господствующая в обществе религия является идеологическим орудием классовой борьбы в руках класса, господствующего в обществе экономически и политически. Кроме того, истории известны случаи (особенно в период средневековья), когда в форме религиозных ересей осуществлялась критика существующего общественного строя и господствующей религии.

Тем самым религия отражает наличие в обществе борющихся классов и является идеологическим выражением интересов определенных классов. Религия, являясь идеологическим выражением классовых интересов, активно используется определенными классами. Но прежде всего и главным образом религия является орудием в руках господствующих, эксплуататорских классов общества, помогая им держать в повиновении угнетенные классы. Именно в этом прежде всего проявляется классовая сущность религии.

Классовая борьба в определенных условиях является социальным источником религиозной идеологии. Как известно, крупнейшие восстания рабов и крестьян против угнетателей оканчивались поражением. Такая судьба постигла восстание Спартака в древнем Риме, крестьянскую войну в средневековой Германии, восстания под руководством Разина и Пугачева в России и многие другие народные движения. Поражения в классовой борьбе, которые нередко приходилось переживать народным массам, усиливавшие угнетенное положение трудящихся, приводили к усилению религиозной идеологии. Классовая борьба эксплуатируемых против эксплуататоров, связанная с тяжелыми жертвами со стороны народных масс, все же долгое время не давала выхода из создавшегося положения, в лучшем случае приводя к замене одной формы эксплуатации другой.

Борьба рабов против рабовладельцев не могла привести к победе трудящихся, так как класс рабов не являлся

тем исторически прогрессивным классом, которому принадлежало будущее. Крестьянские восстания против феодализма, расшатывая феодализм и способствуя тем самым его разложению и гибели, не были тем не менее той самостоятельной исторической силой, которая могла бы покончить со старым общественным строем. Крестьянские движения, возглавленные буржуазией, способствовали лишь победе капитализма над феодализмом, то есть замене одной формы эксплуатации другой. Лишь классовая борьба пролетариата против буржуазии, открывая перспективы окончательной ликвидации всякой эксплуатации человека человеком, создает условия для отхода от религии передовых слоев трудящихся масс. Но классовая борьба пролетариата против буржуазии, которая ведется в недрах капиталистического общества, еще не дает возможности для полного преодоления религиозной идеологии народными массами, поскольку вся совокупность социальных условий капиталистического общества вновь и вновь порождает религию.

Классовая борьба эксплуататоров против эксплуатируемых направлена на подавление сопротивления эксплуатируемых масс угнетателям. Она сопровождается классовым гнетом, являющимся одним из основных социальных факторов, порождающих религию. Придавленность и забитость трудящихся и эксплуатируемых являются одним из главных условий распространенности религиозной идеологии в народных массах.

В свою очередь классовая борьба, которую ведут трудящиеся против своих угнетателей, вызывает неуверенность эксплуататоров в своем положении (особенно в период кризиса старого общества), приводит к распространению религиозной идеологии среди самих господствующих классов. Но это не меняет классовой сущности религиозной идеологии, являющейся одним из важнейших идеологических факторов, призванных укреплять существующий строй. Поэтому господствующие классы эксплуататорского общества всеми средствами распространяют религиозную идеологию.

Идеологи господствующих классов для укрепления влияния религии нередко прибегают к прямому обману и

фальсификации, спекулируя на темноте и невежестве масс. Факты обмана верующих со стороны религиозных идеологов достаточно хорошо известны. Христианские богословы начали прибегать к так называемому благочестивому обману еще в процессе оформления христианской религии как нового религиозного течения. Уже в то время были сделаны интерполяции (вставки) в сочинения античных авторов, имевшие целью доказать историчность Иисуса Христа, приурочить содержание мифа к определенным историческим событиям⁵.

В среде церковных деятелей встречается немало обманщиков, цинично относящихся к распространяемой ими самими идеологии. К такому типу церковных деятелей относится, например, папа Бонифаций VIII, по преданию, сказавший однажды: «Сколько пользы принесла нам эта басня о Христе!»⁶. Деятелей такого типа немало и в среде современного духовенства.

Обман народных масс церковными идеологами был известен атеистам домарксистского периода. Разоблачение этого обмана они умело использовали в своей критике религиозной идеологии, показывая, что она является источником и причиной угнетения народных масс. Однако в целом домарксистский атеизм преувеличивал роль обмана в религии. Особенно это относится к французским просветителям XVIII в., считавшим, что обман и невежество лежат в основе происхождения религии. Так, П. Гольбах в своей «Системе природы», являющейся энциклопедией французского материализма XVIII столетия, писал следующее: «...Нашлись люди, которые стали выдавать себя за служителей бога, которые заставили его говорить, раскрыли его тайные намерения, объявили нарушение его законов ужаснейшим из преступлений; невежественные народы приняли без критического разбора эти повеления божества»⁷.

---

⁵ Об интерполяциях см. Р. Ю. Виппер. Рим и раннее христианство. М., 1954, стр. 9—10, 74—75, 173—185; Я. А. Ленцман. Происхождение христианства. М., 1960, стр. 55—61, 136—137.

⁶ Цитир. по кн.: С. Рейнак. «Орфей». Всеобщая история религий, изд. 3. Paris, s. a., стр. 346.

⁷ П. Гольбах. Система природы. М., 1940, стр. 240.

Таким образом, французский материализм объявляет религию прежде всего результатом обмана, с одной стороны, и невежества — с другой. Отсюда следует, что лучшим средством борьбы с религией является просвещение.

Конечно, и обман и невежество имеют не малое значение для существования и распространения религии. Но это второстепенные причины в том комплексе, благодаря которому держится религия. Поэтому и просвещение, играющее огромную роль в деле борьбы с религией, не является главным средством этой борьбы. Никакое распространение просвещения не сможет привести к ликвидации религии в условиях общества, основанного на эксплуатации человека человеком и классовом гнете. Борьба с религией есть прежде всего борьба с тем общественным строем, который порождает религию. Само невежество народных масс и обман, основанный на их невежестве, являются результатом определенных условий материальной жизни общества.

Наконец, рассмотрим *идеологические корни религии*.

Вопрос об отношении общественного сознания к общественному бытию является основным вопросом философии применительно к изучению общественных явлений. Материалистическое решение этого вопроса заключается в том, что общественное бытие определяет собой общественное сознание. Все формы общественного сознания порождены общественным бытием.

Та часть общественного сознания, которая определяется экономическим строем общества и в которой в классовом обществе проявляются интересы определенных классов, а в обществе, где нет антагонистических классов, интересы всего общества, относится к области идеологии. Сюда относится, например, политическая и правовая идеология, мораль. Сюда же относится и религия. Различным формам идеологии соответствуют определенные общественные отношения. Эти отношения при своем возникновении должны пройти через сознание вступающих в эти отношения людей. Поэтому В. И. Ленин называл подобные отношения идеологическими⁸. Политической и

⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 134.

правовой идеологии, морали соответствуют политические, правовые, нравственные отношения людей.

Необходимо ограничивать идеологию от идеологических отношений. Однако необходимо учитывать при этом, что определенные формы идеологии тесно связаны с соответствующими идеологическими отношениями. И различные формы идеологии и соответствующие им идеологические отношения оказывают влияние на характер религиозной идеологии.

Было бы неправильно выводить ту или иную форму идеологии исключительно и непосредственно из общественного бытия. Во-первых, различные формы идеологии имеют различное отношение к общественному бытию. Ближе к общественному бытию расположены такие формы идеологии, как политическая и правовая идеология, мораль. Они порождены непосредственно общественным бытием. Развитие других форм идеологии, таких как религия и философия, обусловлено уже не только общественным бытием, но также развитием тех форм идеологии, которые непосредственно порождаются общественным бытием. Во-вторых, различные формы идеологии находятся во взаимной связи друг с другом, оказывают взаимное влияние друг на друга. В-третьих, каждая форма идеологии имеет относительную самостоятельность в своем развитии и ее содержание может быть правильно понято только при учете относительной самостоятельности и преемственности развития идеологии.

Религия является той формой общественного сознания, которая наряду с философией дальше всего отстоит от породившего ее общественного бытия, составляет как бы верхний этаж идеологии. «Идеологии еще более высокого порядка,— пишет Ф. Энгельс,— т. е. еще более удаляющиеся от материальной экономической основы, принимают форму философии и религии. Здесь связь представлений с их материальными условиями существования все более запутывается, все более затемняется промежуточными звеньями»⁹.

---

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1955, стр. 377.

В условиях классового общества все формы идеологии господствующих классов — политика, право, мораль, философия — призваны укреплять эксплуататорский строй, держать в повиновении трудящихся. Эти идеологические формы выступают как социальные источники религии. Так, право в классово антагонистическом обществе делает трудящихся фактически бесправными, мораль стремится превратить их в рабов не за страх, а за совесть. Все это усиливает придавленность трудящихся масс, а тем самым способствует распространению в их среде религиозной идеологии.

Религия, так же как и философия, отражает бытие в основном через посредство других форм идеологии, то есть главным образом не прямо, а косвенно. При этом различные формы идеологии, совместно с породившим их общественным бытием, принимают участие в процессе формирования религиозной идеологии. Религия, опосредованная другими формами идеологии, наполняется многими положениями, свойственными этим формам идеологии, и в значительной мере черпает из них свое содержание. Религия лишь придает этому содержанию сверхъестественную окраску. Она проникается положениями политики, нормами права, морали, выводами идеалистической философии, тем содержанием, которое в классовом обществе соответствует интересам господствующих классов. Являясь частью идеологии, религия тесно связана с ее другими формами. Апологеты религии при этом стараются представить дело так, что формы идеологии, в определенных исторических условиях оказывающиеся связанными с религией (например, мораль), не мыслимы помимо религии. В действительности же роль религии фактически сводится лишь к освящению и фантастическому искажению различных положений этих форм идеологии. Религия оказывает обратное воздействие на другие формы идеологии, ближе расположенные к общественному бытию, но эти другие формы идеологии могут существовать и помимо религии.

При рассмотрении взаимосвязи религии с другими формами идеологии необходимо всегда иметь в виду факт неравномерности развития идеологии: в данных условиях та или иная форма идеологии развивается быстрее или

медленнее, прогрессирует или регрессирует, играет различную роль в общественной жизни. Тот или иной способ производства и весь обусловленный им общественный строй выдвигают на первый план определенные формы идеологии. Все это не может не влиять на взаимоотношения между различными формами идеологии. Факт неравномерности в развитии идеологии объясняется, следовательно, прежде всего развитием производства, сменой способов производства. Например, феодальный способ производства вызвал значительное усиление религиозной идеологии, привел к большему ее распространению, чем это было раньше, при рабовладельческом способе производства. Религия, обусловленная другими формами и выдвинувшаяся на первое место, оказала в средние века наиболее серьезное воздействие на все формы идеологии, опутала их религиозными сетями, принудила развиваться в религиозной оболочке.

Из всех форм идеологии политическая и правовая идеология расположены ближе всего к экономическому строю общества. Политическая идеология выражает интересы того или иного класса общества, его отношение к другим классам общества, к политической власти, к государству. Право — это определяемая условиями материальной жизни общества воля господствующего класса, возведенная в закон. Право узаконивает политику господствующего класса. Политическая и правовая идеология оказывают серьезное влияние на содержание господствующей в обществе религиозной идеологии. Благодаря этому воздействию религия приобретает политическую направленность, служит эксплуататорам, используется как орудие классовой борьбы в руках господствующего класса, охраняет порядки классового общества. Классовая сущность религии формируется под направляющим воздействием политической и правовой идеологии. Испытывая подобное влияние со стороны политической и правовой идеологии, религия в свою очередь оказывает обратное влияние на эту идеологию. Она освящает политику и право господствующего класса.

Естественно, что в политической и правовой идеологии, непосредственно порожденной общественным бытием,

интересы господствующих классов проступают более определенно и резко, чем в какой-либо другой форме идеологии. Политика является концентрированным выражением экономики. Право, узаконивающее политику господствующего класса, тесно связано с государством, машиной в руках господствующего класса, имеет принудительную санкцию со стороны государства. Религия же призвана являться мерой убеждения, она обращается к совести людей. Поэтому религия тесней связана с другой формой идеологии, также выражающей интересы господствующих классов, но выражающей их не столь резко и определенно, более тонко и замаскировано, чем политическая и правовая идеология. Такой формой идеологии является мораль.

В противоположность нормам права, санкционированным государством, нормы морали опираются на силу общественного мнения. В классовом обществе мораль всегда является классовой, выражает интересы определенного класса. Господствующей в обществе идеологией является идеология господствующего класса. Поэтому и наиболее широко пропагандируемой моралью в обществе является мораль господствующего класса, то есть такие нормы поведения людей, которые соответствуют интересам господствующего класса. Господствующим классам важно проповедовать эксплуатируемым такие нормы поведения, которые обеспечивали бы сохранение существующих порядков. Религия, призванная воздействовать на совесть людей, воспитывать массы в духе покорности своим угнетателям, оказывается теснее связанной с моралью, чем с какой-либо другой формой общественного сознания. Религия наполняется положениями соответствующей морали, которые ассимилируются религией, становятся ее неотъемлемой составной частью. Мораль эксплуататорских классов направлена прежде всего на защиту частной собственности, на оправдание эксплуатации человека человеком. Эти же цели преследует и религия, воспринимающая и освящающая мораль господствующего класса. Особенно тесная связь у религии с моралью устанавливается с эпохи феодализма, когда в значительной мере возрастает значение религии как средства, способствующего

удержанию в повиновении эксплуататорам самых широких слоев народных масс. В эпоху капитализма эта связь еще более усиливается.

Апологеты религии пытаются представить дело таким образом, что якобы мораль не может существовать помимо религии, более того, что мораль якобы порождена религией. Особенно превозносится в этом отношении христианство. Даже Л. Фейербах не сумел избежать ошибки подобного рода. «...Христианство,— писал он,— принесло в мир другое средство культуры: мораль, учение о нравственности...»¹⁰. Буржуазные социологи, защищающие религию, используют ее связь с моралью для утверждения, что мораль создана религией, что она не может существовать помимо религии. Борьбу с религией они изображают борьбой с моралью и объявляют атеизм аморальным учением. В действительности же дело обстоит как раз наоборот. Не религия создала мораль, а, напротив, мораль является одним из источников религиозной идеологии. «Религия не создает нравственности,— писал Г. В. Плеханов.— Она только освящает ее правила, вырастающие на почве данного общественного строя»¹¹. Мораль не была создана христианством: как форма общественного сознания она возникла задолго до возникновения христианства. Мораль сложилась еще в первобытном обществе (первобытно-общинная мораль) и получила дальнейшее развитие в рабовладельческом (рабовладельческая мораль), христианство же возникло лишь на грани феодализма. Христианство действительно более тесно связано с моралью, чем предшествующие религии, но дело здесь не в его «этической ценности», а в том, что оно в большей мере, чем предшествующие ему религии, является в руках господствующих классов орудием идеологического воздействия на народные массы. Оно в большей мере связано с моралью, так как оно больше испытало на себе влияние морали господствующего класса, наполнено положениями этой морали. Естественно, что если определяющим

---

¹⁰ Л. Фейербах. Избранные философские произведения, т. II. М., 1955, стр. 727.

¹¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 362.

моментом во взаимодействии религии и морали является мораль, то она может существовать и помимо религии, религия же в классовом обществе немыслима без питающей ее морали определенного класса. Поэтому неверно, что атеизм, борющийся с религией, отрицает нормы морали, является «безнравственным учением». Отрицание религии вовсе не означает отрицания морали. Кроме того, отрицание буржуазной морали совсем не означает отрицания морали вообще, ибо, кроме буржуазной морали, ныне существует более высокая форма морали, мораль коммунистическая.

Нельзя не учитывать также влияния на религиозную идеологию идеалистической философии. Одна из важнейших функций идеалистической философии заключается в обосновании и поддержке религиозной идеологии. Например, в процессе формирования и становления христианской религии большую роль сыграли такие направления идеалистической философии, как стоицизм и неоплатонизм. Не только средневековая схоластика, но и современная буржуазная идеалистическая философия поставляла и ставит «аргументы» в пользу необходимости существования религиозной идеологии. Как указывал В. И. Ленин, философский идеализм «всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии»¹². Широкое распространение в современной идеалистической философии, так же как и в теологии, получило стремление примирить науку и религию, разграничив сферы их влияния, причем это примирение должно ограничить «чрезмерные претензии науки». «Если «знание — сила», — заявляет Э. Фашер, — вера еще могущественней»¹³. «Наш мир движения, — пишет Л. Биккель, — является релятивно мыслимым среди бесчисленных других. Поскольку мы являемся предметом в мире и наша природа является природой движения, постольку имеет значение лишь истина науки или материализма. Но природа имеет свою вечную основу не в мире, а в боге, и таким образом и для нас также не материализм науки, а идеализм духа яв-

¹² В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 4.

¹³ E. F a s c h e r. 500 Jahre Christentum. Berlin, 1957, S. 6.

ляется последней или абсолютной истиной»¹⁴. Однако утверждение философского идеализма о различных сферах применения науки и религии опровергается всей исторической практикой человечества. Вся история развития науки есть история борьбы науки против религии. При этом в ходе исторического развития постепенно расширялась сфера применения науки и все более сужалась область распространения религии. Наука постоянно вторгается в те сферы, где еще господствует религия, опровергает религиозные догмы; научные открытия, составляющие эпоху, часто заставляют религию серьезно изменять свой облик. Но само по себе развитие науки не может привести к полному вытеснению религиозной идеологии. Для этого необходимо уничтожение социальных корней религии.

Таковы основные социальные корни религии.

Однако нужно иметь в виду, что социальные корни не исчерпывают причин существования религии. Имея относительную самостоятельность развития, религия сама по себе захватывает в свои сети массы людей. Вероучение религии активно проповедуется особыми религиозными организациями, церковью. Немалую роль играет то обстоятельство, что религия имеет тысячелетние традиции существования. Более того, каждая религия, существующая в том или ином государстве, у того или иного народа, имеет свои собственные традиции. Новые поколения людей принимают обычно ту религию, которая имеет распространение в том обществе, в котором они живут. Американский атеист Р. Ингерсолл остроумно отметил, что большинство людей, родившихся в Турции, становятся сторонниками ислама и верят в легенду о том, что Магомет встречался на небесах с Гавриилом, у которого один глаз находится так далеко от другого, что потребовался бы быстроногий верблюд, чтобы преодолеть расстояние между ними; человек, родившийся в Индии, должен верить в бога с тремя головами, а христианин — в трех одноголовых богов¹⁵. Силу религиозной традиции неоднократно отме-

¹⁴ L. Bickel. Kultur. Zürich, 1956, S. 107.

¹⁵ См.: «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. III. М.—Л., 1959, стр. 163.

чали основоположники марксизма-ленинизма. В. И. Ленин, подчеркивая историческую обусловленность религии, писал, что она имеет свои исторические корни. Но нельзя не учитывать того, что, не имея социальных корней, религия вообще не могла бы существовать. Следовательно, все остальные обстоятельства, закрепляющие религию, зависят в конечном счете от ее социальных корней.

В различных исторических условиях социальные корни религии проявляются различным образом. Поэтому необходимо рассмотреть социальные корни религии и определяемые ими основные черты религиозной идеологии на различных этапах развития общества.

2. Социальные корни религии при первобытнообщинном строе

Религия возникла в условиях первобытнообщинного строя — самой ранней общественно-экономической формации человеческого общества.

Вопрос о времени возникновения религии на определенной стадии первобытного общества может быть решен лишь при совместном участии таких наук, как антропология, которая изучает происхождение, изменение и развитие физического типа человека, археология, изучающая историческое прошлое человечества на основании вещественных источников, и этнография, дающая сведения о первобытных племенах, что способствует пониманию ряда проблем становления человеческого общества.

Возникновение религии предполагает развитие самого человека и общества, в котором он живет, т. е. для этого необходимы определенные общественные (социальные) и познавательные (гносеологические) предпосылки.

Вопреки богословским и идеалистическим утверждениям о том, что религия изначально свойственна человеку, современная передовая наука на основании достоверных фактов категорически отвергает возможность возникновения религии вместе с возникновением человека. Этот вопрос в настоящее время решен наукой окончательно. Дискуссионным является лишь вопрос об установлении того этапа, на котором возникла религия.

Каковы же те социальные условия, которые привели к возникновению религии в первобытном обществе?

Немецкий марксист Г. Эйльдерман в своей интересной книге, в значительной мере посвященной происхождению религии, связывая религию с определенным уровнем развития производительных сил¹⁶, в то же время неправильно трактует зависимость религии от существования классов и классовых противоречий. «Религия и классовое общество, — пишет он, — являются категориями, обуславливающими друг друга во все времена»¹⁷. Это положение нельзя признать правильным, так как первобытное общество является обществом бесклассовым.

Связывая происхождение религии с возникновением классов, Г. Эйльдерман распространяет категории классового общества на бесклассовый период истории человечества. Так, он считает, что старики в первобытном обществе являются особым классом. Но старейшины рода не были особым классом общества, они были лишь представителями власти первобытного коллектива. Власть старейшин держалась не на экономическом господстве, а на авторитете. Власть старейшин могла лишь поддерживать своим авторитетом существующую в обществе религию, но она не могла породить ее.

В. И. Ленин писал, что религия была порождена бессилием дикаря в борьбе с природой¹⁸. Низкий уровень производительных сил, обусловивший это бессилие, явился основным социальным источником религии в первобытном обществе. На этой почве впервые возникли фантастические образы, в которых силы и явления природы приобретали сверхъестественное, неземное воплощение.

Наиболее ранней формой религии была вера в существование духов и душ, то есть анимизм¹⁹. Однако эта

---

¹⁶ См.: Н. Eilder mann. Die Urgesellschaft. Ihre Verwandtschaftsorganisationen und ihre Religion. Berlin, 1950, S. 270.

¹⁷ Там же, стр. 274.

¹⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 10, стр. 65.

¹⁹ Термин «анимизм» в научной литературе употребляется в различных значениях. Мы называем анимизмом не «минимум» всякой религии (Э. Тайлор), а первобытную религию, основанную на вере в духов и души. Так же, как и термины «политеизм» и «монотеизм», категория «анимизм» характеризует форму религии на определенном этапе ее развития.

первая форма религии возникла не на пустом месте. Для ее возникновения имелись уже определенные предпосылки. Прежде чем раздвоить действительность и «населить» ее душами и духами, первобытный человек представлял предметы и явления природы живыми существами или проявлением деятельности живых существ. На этой ступени развития человек еще не делал различия между живым и неживым. Не выделяя себя из природы, он отождествлял процессы природы со своей собственной деятельностью.

Все предметы окружающей действительности представлялись первобытному человеку живыми существами. Л. Я. Штернберг приводит примеры подобного взгляда на природу, который сохранялся у отсталых народностей Сибири наряду с возникшими позднее анимистическими верованиями. Л. Я. Штернберг рассказывает, что гиляки (нивхи) устья Амура много раз уверяли его, что утес, находившийся в море недалеко от берега, *приехал* сюда издалека, с севера, после ссоры со своим братом. Штернберг пишет, что ему стали ясны мотивы создания этого мифа после того, как он увидел, какие громадные глыбы камня переносятся в этих местах на льдинах, гонимых морским течением.

Возьмем другой пример, приводимый Штернбергом, наблюдавшим этот случай в юрте орочи в Императорской гавани. Для того чтобы определить характер болезни лежавшего в юрте больного, шаман привязал к бечевке тяжелый камень и *спрашивал* его до тех пор, пока камень не покачнулся, что и было сочтено за утвердительный ответ²⁰.

В. Г. Богораз, характеризуя подобные воззрения, писал: «Камни, деревья, холмы или облака, а также и явления природы (ветер, дождь, гром) считаются живыми... Предмет движется; следовательно, он живой. Точно также первобытный человек считает живыми деревья, которые шелестят, ветер, который пронесется мимо, камень, который до поры до времени смирно лежит на месте, но

---

²⁰ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии Л., 1936, стр. 6.

может заставить споткнуться человека, когда тот проходим мимо, озера, реки, ручьи, холмы, которые возвышаются над равниной и отбрасывают на нее свою тень»²¹

Л. Я. Штернберг, пользуясь терминологией Маретта, называет подобный взгляд на природу аниматизмом. Сущность аниматизма заключается в представлении всех предметов природы живыми существами, подобными человеку. Это — всеобщее «оживотворение природы». Но сам по себе аниматизм еще не является религией.

Религия начинается с анимизма, который характеризуется тем, что за объектами действительности, по представлениям первобытного человека, скрывается деятельность многочисленных душ и духов, которые благосклонно или неблагосклонно относятся к человеку и которых можно определенными действиями расположить в свою пользу или, напротив, настроить во вред себе.

Единственно правильным, до конца научным определением религии является марксистское определение: «...Всякая религия,— пишет Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге»,— является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором *земные силы принимают форму неземных*»²² (Курсив наш.— А. С.).

Но чтобы земные силы приобрели *форму неземных* нужно, чтобы действительный мир был раздвоен на поюсторонний и потусторонний, на земной и неземной, нужно, чтобы неземной мир был поставлен над земным. Энгельс говорит в «Людвиге Фейербахе», что раздвоение мира начинается с создания представления о душе²³.

Аниматизм, который возник на определенном этапе развития первобытного общества, еще не является формой религии, так как здесь еще нет раздвоения мира и противопоставления неземного мира миру земному. Здесь земные силы еще не приобрели форму неземных.

²¹ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. II. Л., 1939, стр. 2.

²² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1957, стр. 299.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 349—350.

Аниматизм еще не есть религия, но это — путь к созданию религии.

Что касается тотемизма, фетишизма и некоторых других форм проявления первобытной идеологии, то нужно признать, что они по существу не являются самостоятельными. Они так или иначе связаны или с аниматизмом, или с анимизмом. Когда, например, первобытный человек рассматривает животное как существо, тождественное человеку, то это есть проявление аниматизма. Когда же он считает духов существующими в облике животного или признает наличие у животного души, то подобные воззрения относятся уже к анимизму. Нужно учитывать также, что в период господства анимизма существует множество пережитков аниматизма, сохраняющихся отчасти также и в более поздних религиях.

Таким образом, анимизм является первой формой религии, господствующей в основном до конца существования первобытного общества.

Как уже говорилось, религия в условиях первобытного общества являлась следствием исключительной трудности борьбы с природой, трудности существования, примитивности производительных сил. Бессилие человека перед природой, обусловленное низким уровнем развития общественного производства, являлось социальным явлением и впервые создавало условия для возникновения религиозного мировоззрения.

Производственные отношения первобытнообщинного строя, отношения сотрудничества и взаимной помощи, не были социальным источником религии. Но эти производственные отношения были результатом слабого развития производительных сил, обусловившего слабость человека в борьбе с природой, невозможность производить в одиночку и невозможность в то же время эксплуатировать труд других людей, так как труд первобытного человека еще не давал никакого прибавочного продукта. Экономической основой первобытнообщинного строя является общественная собственность на средства производства. Здесь нет классов, нет эксплуатации человека человеком. Распределение происходит в интересах всех членов общества.

Конечно, из сказанного не следует, что производственные отношения первобытнообщинного строя вообще никак не влияли на характер и содержание религиозных взглядов. Экономический строй первобытного общества сделал невозможной сколько-нибудь существенную дифференциацию духов первобытных религий, лишив их иерархической подчиненности. Духи представляются как бы единой массой, они мало индивидуализированы и различаются лишь по принадлежности к той или иной категории. Так выделяются из общей массы духи водоемов, деревьев и дубрав, вулканов и т. д. Дальнейшая дифференциация сверхъестественных сил связана с расслоением общества, с появлением элементов эксплуатации, с рождением классов.

Буржуазные идеологи всячески приукрашивают ту роль, которую сыграла религия в период возникновения. Например, французский историк религии А. Мальвер говорит об «огромных заслугах древних религий перед человечеством»²⁴. Он считает, что «религия оказала в период детства человечества в высшей степени благотворное действие. Она была в то время,— пишет А. Мальвер,— главным органом прогресса, и без нее человечество еще оставалось бы погруженным в варварство»²⁵. Ф. Brentano утверждает, что «религия приносит человеку наивысшее счастье»²⁶.

Но подобные утверждения буржуазных идеологов не выдерживают критики. Порожденная придавленностью человека силами природы религия, естественно, отразила эту придавленность, а тем самым, в силу самого характера религиозного отражения, возводящего земные силы в ранг неземных, обожествила и увековечила эту зависимость от сил природы. О каком прогрессивном характере, «благотворном действии» и «огромных заслугах» можно говорить по отношению к той идеологии, которая является результатом бессилия и беспомощности? Может ли идеология, являющаяся выражением придавленности внешними силами, быть орудием историче-

²⁴ А. Мальвер. Наука и религия. Л., 1925, стр. 67.

²⁵ Там же, стр. 172.

²⁶ F. Brentano. Religion und Philosophie. Bern, 1934, S. 4.

ского прогресса? Религия всегда внушала человеку надежду на сверхъестественную помощь, притупляя тем самым его борьбу за социальный прогресс.

Поступательное развитие общества совершалось не благодаря религии, а вопреки ей. Критикуя взгляды богостроителей, утверждавших, что религия является комплексом идей, пробуждающих и организующих социальные чувства, обуздывающих «зоологический индивидуализм», В. И. Ленин писал: «В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна. Идея бога *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства)»²⁷. Религия наносила также большой материальный ущерб обществу, так как жертвоприношения, погребения и прочие обряды заставляли человека непроизводительно расходовать и без того скудное имущество, продовольствие и т. д.

Но при этом необходимо учитывать также и другую сторону этого вопроса, а именно то обстоятельство, что отсутствие религии на ранних стадиях развития человеческого общества объясняется еще более низким уровнем развития общества, человека, человеческого мышления. Поэтому возникновение религии является следствием не только беспомощности первобытного человека в его борьбе с природой, но и результатом развития его мышления на том этапе.

3. Социальные корни религии в классовом обществе

С возникновением классового общества появляются новые причины, порождающие религию, в связи с чем религия серьезно меняет свою форму.

Рабовладельческое общество явилось первой классово антагонистической формацией в человеческой истории. Подобно тому, как в любом классовом обществе господствующими идеями являются идеи класса, осуществляю-

---

²⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 93.

щего свое господство в экономической и политической областях, религии рабовладельческого общества выражают, прежде всего, интересы класса рабовладельцев.

Эксплуатация рабов рабовладельцами является, как известно, наиболее грубой и жестокой из всех форм эксплуатации. На первый взгляд кажется, что эта наиболее жестокая эксплуатация должна дополняться и наиболее интенсивным духовным закабалением трудящихся масс при помощи религии. Однако в действительности дело обстоит не так.

Рабов, совершенно незаинтересованных в результатах своего труда, принуждали работать методами самого грубого физического насилия. Рабовладельцы считали рабов не людьми, а вещами; рабы были подчинены законам, которыми регулировалось владение вещами²⁸. Рабовладельцы смотрели на рабов, как на говорящие орудия, поэтому, они не использовали против массы рабов религии как средства обработки их сознания в духе покорности своим господам. Законы рабовладельческого общества лишали рабов всех гражданских прав — прав брака, семьи, собственности и права участия в религиозных обрядах²⁹. Рабовладельцы не поощряли обращение рабов к религии. Они просто не оставляли у рабов времени, чтобы заниматься религией. Идеологи рабовладельцев считали, что раб должен или работать или спать, причем на сон ему отводилось как можно меньше времени³⁰.

Конечно, такая форма эксплуатации не имела для раба никакого идеологического обоснования и оправдания, и никакая идеология не была в состоянии примирить его с подобными формами существования. Рабы в своем сопротивлении рабовладельцам противопоставляли им материальную силу, прибегали к постоянной порче орудий труда, поднимались против своих господ с оружием в руках.

---

²⁸ См.: А. В а л л о н. История рабства в античном мире. М., 1941, стр. 123.

²⁹ См.: А. В а л л о н. История рабства в античном мире, стр. 126.

³⁰ См.: А. И. Т ю м е н е в. История античных рабовладельческих обществ. М.—Л., 1935, стр. 190.

Историческая наука имеет мало данных о тех идеях, под знаменем которых происходили восстания рабов. В общем, можно сказать только, что рабы или стремились восстановить отношения родового строя или сами пытались стать рабовладельцами, а рабовладельцев поставить на свое место³¹. Говоря о крупнейших движениях рабов в античном мире, Ф. Бемер сообщает, что ни восстание Спартака, ни восстание Евна из Энны не имели каких-либо философских или религиозных предпосылок³².

Рабы как класс общества, занимающий определенное место в системе общественного производства, не имели своей классовой религии и не выражали свой протест в религиозной форме³³. Рабы представляли собой разобщенную массу, являлись людьми, принадлежащими к различным народностям, говорили на разных языках, их взгляды не могли иметь какой-либо существенной преемственности, так как рабы, как правило, не имели семей³⁴ и класс рабов в основном пополнялся извне³⁵. Обращение в рабство свободного населения данной страны (долговое рабство) было ограничено, а в развитых рабовладельческих обществах вообще запрещено законом³⁶. Рабы сохраняли в основном ту религию, которую унаследовали от свободного состояния. И в

³¹ См.: Л. А. Ельницкий. Из истории революционной идеологии эллинизма. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 6, стр. 68.

³² F. Bömer. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom, T. 1. Wiesbaden, 1958, S. 182.

³³ «О подлинной религии рабов, как религии сословия или слоя, не может быть и речи», — к такому выводу приходит Ф. Бемер (F. Bömer. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom, T. 1, S. 190—191).

³⁴ Рабы получали возможность обзаводиться семьей лишь в особых случаях за безупречную службу. См.: М. Н. Мейман. Экономические основы рабовладельческого общества. «Преподавание истории в школе», 1950, № 1, стр. 39.

³⁵ В Афинах IV в. до н. э. типичным рабом был раб купленный (См.: Э. Л. Казакевич. Термин *δοῦλος* и понятие «раб» в Афинах IV в. до н. э. «Вестник древней истории», 1956, № 3, стр. 125).

³⁶ Долговое рабство в Аттике было отменено Солоном (VI в. до н. э.), но было ограничено еще ранее. (См.: Я. А. Ленцман. Рабы в законах Солона. «Вестник древней истории», 1958, № 4, стр. 54).

рабстве, конечно, сами условия существования укрепляли их веру в сверхъестественные силы. Но у рабов были различные религии, которые они приносили из свободного состояния, а общей религиозной идеологии, которая была бы свойственна рабам как классу, не было. В рабовладельческом обществе не было религиозных движений, подобных тем, в которых основной эксплуатируемый класс феодального общества — крепостное крестьянство — выражал свой протест против существующего строя (в форме религиозных ересей). Таких ересей, в которых отражались бы интересы класса рабов, история рабовладельческого общества не знает. Не было религией *класса рабов* также и христианство, которое возникло лишь в процессе разложения рабовладельческого общества, как следствие зарождения нового, феодального строя в недрах старого рабовладельческого. Христианство возникло как идеологический продукт нового, нарождающегося общественного строя (об этом будет сказано ниже)³⁷.

В рабовладельческом обществе религия еще не получила ярко выраженной функции связи между классами эксплуататоров и эксплуатируемых, она еще не связывала в достаточной мере эксплуатируемых верой в божественность эксплуататоров³⁸. Однако было бы неправильно думать, что в рабовладельческом обществе религия вообще не была орудием эксплуатации.

Все население рабовладельческого общества делилось на свободных и рабов. Основными классами этого общества являлись рабовладельцы и рабы. Однако свободное население не исчерпывалось классом рабовладельцев, к которому относились крупные землевладельцы, владельцы рабских мастерских, а также торговцы,

---

³⁷ То же, очевидно, относится и к исламу. «Корни ислама,— пишет Н. А. Пигулевская,— несомненно, были связаны с зарождением феодальных отношений...» (Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма. «Вопросы истории», 1956, № 9, стр. 195).

³⁸ Сказанное не имеет отношения к христианству, которое не было порождено общественными отношениями рабовладельческого строя.

ростовщики, откупщики и т. п. К свободному населению принадлежал также и класс мелких производителей, состоявший из крестьян и ремесленников³⁹.

Основу рабовладельческого строя составляла эксплуатация рабского труда. Однако наряду с рабами эксплуатации подвергались также и широкие массы мелких производителей. Но эксплуатацию массы мелких производителей нельзя было осуществлять столь грубо, как эксплуатацию рабов. Наряду с мерами принуждения здесь имеют место и меры убеждения. В противоположность рабам, мелкие производители принадлежали в основном к одной народности, говорили на одном языке, имели большую возможность общения между собой. У мелких производителей было больше времени для религии. Подавленные силами природы, подвергающиеся эксплуатации со стороны крупных рабовладельцев, ведя безуспешную борьбу с более дешевым рабским трудом, конкуренции которого они в конце концов не выдерживали, крестьяне и ремесленники обращались к религии. Существование класса мелких самостоятельных производителей было одним из условий существования рабовладельческого строя, хотя этот класс и не являлся основным классом рабовладельческого общества. Из этого слоя свободных граждан формировалась армия, необходимый институт рабовладельческого общества.

Рабовладельцы были заинтересованы в том, чтобы держать в повиновении эту массу свободных мелких производителей. В этом отношении серьезную помощь крупным рабовладельцам оказывала религия.

Положение различных групп рабов также не было абсолютно тождественным⁴⁰. Особенно зверской эксплуа-

---

³⁹ Подробнее об этом см.: С. Л. Утченко. О классах и классовой структуре античного рабовладельческого общества. «Вестник древней истории», 1951, № 4, стр. 15—21.

⁴⁰ В античной Греции существовало несколько десятков терминов, которые обозначали отдельные категории рабов. Это обилие терминов отражает, между прочим, различные источники рабства и различия в положении отдельных прослоек рабов. (См.: Я. А. Ленцман. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов. «Вестник древней истории», 1951, № 2, стр. 47—69).

гации подвергались рабы, работавшие в области сельского хозяйства. Таким было положение рабов, например, в крупных поместьях римской рабовладельческой знати — латифундиях. В исключительно тяжелых условиях работали рабы также в крупных мастерских, на рудниках и т. п. Относительно легче было положение, например, квалифицированных рабов, домашних и домашних рабов. Отдельные слои рабов, положение которых было сравнительно менее тяжелым, также могли приобщаться к религиозной идеологии, господствовавшей в рабовладельческом обществе. Но этого нельзя сказать относительно основной массы рабов. Религия рабовладельческого общества была им чужда⁴¹.

Роль религии, интенсивность ее воздействия на разные стороны общественной жизни рабовладельческого общества в значительной мере определяется ролью неосновных классов. Роль религии пропорциональна здесь той роли, которую играет в общественном производстве класс мелких производителей. Чем более развито рабовладельческое общество, тем меньшую роль играют в производстве крестьяне и ремесленники, труд которых вытесняется рабским трудом. Поэтому развитое рабовладельческое общество состоит в основном из рабовладельцев и рабов. Мелкие же производители оказывают менее значительное влияние на общественную жизнь. В связи с этим религия играет сравнительно небольшую роль в жизни общества.

Античный мир явился высшей фазой развития рабовладельческого общества, которое нашло здесь свое завершение и было представлено в наиболее чистом виде. Поэтому для характеристики религии рабовладельческого строя необходимо обращаться прежде всего к странам, достигшим наивысшего расцвета рабства, а именно, к Греции V—IV вв. до н. э. и Риму II—I вв. до н. э.⁴², учитывая в то же время особенности развития

⁴¹ «Государство — а официальный культ является частью этого государства, — было в Риме для рабов табу», — пишет Ф. Бемер. (F. Bömer, Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom, T. 1, S. 181).

⁴² О времени расцвета рабства в античном мире см.: А. И. Тюменев. История античных рабовладельческих обществ, стр. 189.

рабства в другие исторические периоды и в других странах.

Число рабов в странах античного мира достигало огромной величины, значительно превышавшей число свободного населения⁴³. Для удержания своей власти над этой огромной массой рабов рабовладельцы вынуждены были спланировать вокруг себя всю массу свободного населения, привлекая его к доле участия в результатах рабского труда. Эта доля выражалась в задачах из государственной казны, устройстве разного рода зрелищ и т. д. Консолидация свободного населения обостряла до предела основное противоречие рабовладельческого общества, поскольку оно выступало как противоречие между рабами и свободными. Рабовладельческая демократия, получившая развитие в античном мире, была основана на жесточайшей эксплуатации огромных масс рабов. Античная демократия и та сравнительно небольшая роль, которую играла религия в развитии рабовладельческого общества, имели общую экономическую основу.

Низкий уровень развития производительных сил рабовладельческого общества и то обстоятельство, что религия не могла быть использована в качестве идеологического оружия против рабов, привели к тому, что на данном этапе ее развития значительную роль играли олицетворенные силы природы. Не случайно верховными богами в странах античного мира являлись Зевс (в Греции) и Юпитер (в Риме), олицетворявшие грозные и могущественные силы природы. Их супругами являются соответственно Гера и Юнона — богини неба. Крупнейшими богами были Посейдон и соответствующий ему римский бог Нептун — владыки водной стихии. Вся природа населена различными божествами (няяды, дриады, сатиры, nereиды, тритоны и т. д. в религии древней Греции). Наряду с этим обожествлялись также и обще-

---

⁴³ О количестве рабов в древней Греции см.: А. Боннар. Греческая цивилизация, т. I. М., 1958, стр. 153—154, 158; А. Валлон. История рабства в античном мире, стр. 107; J. Burckhardt. Gesammelte Werke, Bd. V. Berlin, s. a., S. 147.

ственные явления, такие, как война, правосудие и т. д., но их олицетворение еще не заняло господствующего положения в системе сверхъестественных сил.

Общественная жизнь античного мира в пору его расцвета характеризуется относительным свободомыслием. Этот факт был отмечен К. Марксом⁴⁴.

То обстоятельство, что религия имела сравнительно небольшое значение в общественной жизни развитых рабовладельческих государств, способствовало расцвету науки, искусства, культуры античного мира. Слабость религиозной идеологии и расцвет культуры рабовладельческого общества имеют в качестве своей основы рабовладельческий способ производства, который в античном мире является безраздельно господствующим. Например, с периодом наивысшего развития рабовладельческого общества в древней Греции связаны выдающиеся достижения в области философии (Гераклит, Демокрит, Эпикур, Аристотель). Именно с этим периодом связан расцвет искусства, давшего произведения, которые продолжают «в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом»⁴⁵. Большие достижения были сделаны в области литературы (Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан), скульптуры (Мирон, Поликлет, Фидий, Скопас, Пракситель, Лисипп), архитектуры (сооружение Парфенона) и т. д.

Слабости религиозной идеологии в античном мире соответствовала сравнительная слабость жречества как в экономическом, так и в политическом отношениях, не дававшая ему возможности активного воздействия на различные стороны общественной жизни. Этот факт отмечают даже реакционные историки религии, всячески пропагандирующие благотворную роль, которую якобы играет религия в жизни народа. «Греки,— пишет А. Мензис,— менее всякого другого народа испытали на себе давление религиозного авторитета»⁴⁶. В Греции отсутствовали ка-

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 98—99.

⁴⁵ Там же, т. 12, стр. 737.

⁴⁶ А. Мензис. История религии. СПб., 1905, стр. 207.

кие-либо «священные книги», слабо была развита догматическая сторона религии, жречеству не удалось наложить свою руку на развитие науки. Жречество не являлось замкнутой кастой. Жреческие должности обычно предоставлялись таким же путем, как и другие функции государственного управления⁴⁷.

Это не значит, конечно, что в античном мире жречество не имело никакой силы и не оказывало влияния на общественную жизнь. Отказ от исполнения религиозных культов грозил повлечь за собой обвинение в безбожии, каравшееся даже смертной казнью. Истории известны процессы Анаксагора, Протагора, Сократа, когда обвинение в безбожии было если не причиной, то поводом. Известно также, какая роль придавалась в античном мире пророчествам оракулов, часто оказывавших влияние на ход политических событий. Роль религии и жречества значительно возрастала в периоды кризисов античных рабовладельческих обществ. Свободомыслие античного мира было относительным. Оно обнаруживается лишь при сравнении с той ролью, которую религия и религиозные организации играли в некоторых других общественных организациях.

Развитие рабства на *древнем Востоке* отличалось по сравнению с античным миром значительными особенностями. Оно характеризуется медленными темпами развития и никогда не поднимается до того уровня, который был достигнут в античном мире, являясь по отношению к нему низшей ступенью развития. Численность рабов на Востоке сравнительно невелика. Количество рабов никогда не достигало той величины, относительно свободного населения, которая характеризует античный мир⁴⁸.

Особенности развития рабства на древнем Востоке определили собой особенности общественного строя древневосточных государств, характерные особенности идеологии.

---

⁴⁷ См.: А. Боннар. Греческая цивилизация, т. I, стр. 175.

⁴⁸ См.: В. П. Авдиев. История древнего Востока. М., 1953, стр. 10.

Основной формой производственной деятельности на Востоке было земледелие, основанное на искусственном орошении. Периодические разливы крупных рек требовали от населения проведения сложных ирригационных мероприятий, следовательно, развития сравнительно высокой квалификации работников, участвующих в производстве, и их заинтересованности в результатах своего труда. Но рабы не обладали всеми этими качествами. Поэтому на Востоке наряду с классом рабов важную роль в системе общественного производства приобретает сельская община. Однако отдельные общины не были бы в состоянии осуществлять сложные ирригационные работы, возводить и поддерживать в сохранности ирригационные сооружения. Необходима была координация хозяйственной деятельности отдельных сельских общин в пределах всей страны.

Общинное землевладение явилось той экономической основой, которая породила восточные деспотии. Весь земельный фонд страны был сосредоточен в руках государственной власти. Общинное владение землей дополнялось государственной собственностью на землю. Только государственной власти было доступно проведение ирригационных мероприятий в пределах всей страны. Если консолидация свободного населения в античных странах приводила к рабовладельческой демократии, а роль религии в жизни общества была сравнительно невелика, то резкое расслоение свободного населения на Востоке приводило к рабовладельческой деспотии, дополнявшейся чрезвычайно важной ролью религии в государствах Востока.

Крестьяне-общинники вынуждены были платить огромные налоги и выполнять различные повинности в пользу государства рабовладельцев. Большое значение на Востоке приобрела система долговой кабалы. Все это позволяло крупным рабовладельцам наряду с эксплуатацией рабов, находившихся в их частной собственности, осуществлять также и эксплуатацию массы сельских общинников. В связи с этим религия как идеологический фактор эксплуатации приобретает на Востоке большое значение.

В религии широко культивируются элементы, оправдывающие эксплуатацию широких масс трудящихся государством рабовладельцев. Боги, первоначально олицетворявшие силы природы, становятся покровителями государственной власти. Например, бог солнца Шамаш становится покровителем власти вавилонского царя. В покровителей государства, царя и царской власти в Египте постепенно превращаются, например, Осирис (бог умирающей и воскресающей природы) и Гор (древний бог солнца). Но дело не ограничивается этой поддержкой государственной власти религией. Происходит обоготворение самого царя⁴⁹. Монархи, стоявшие во главе государств, объявляются богами. В древнеегипетских письменах один и тот же иероглиф употребляется как для обозначения бога, так и для обозначения царя⁵⁰. Только цари имеют право совершать особо важные религиозные обряды. Заупокойный культ их становится необычайно торжественным и пышным.

На рабовладельческом Востоке, где господствовало религиозное мировоззрение и где религиозной идеологией была в значительной мере пропитана вся культура народов Востока, жречество играло значительно большую роль в общественной жизни, чем в античном мире. На Востоке жречество обладало огромными богатствами, являлось мощной экономической организацией. Таково было, например, египетское жречество, в руках которого находилось от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ всей земельной площади страны⁵¹.

---

⁴⁹ См.: В. И. Авдиев. Идеология обоготворения царя и царской власти в древнем Египте. «Историк-марксист», 1935, кн. 8—9, стр. 133—152. Античному миру обоготворение личности монарха свойственно лишь на поздних этапах развития (Римская империя).

⁵⁰ А. Египт. Die Religion der Ägypter. Berlin — Leipzig, 1934, S. 51.

⁵¹ См.: М. А. Рейснер. Идеологии Востока. М.—Л., 1927, стр. 43. «При Рамзесе III (XIX династия), который пожертвовал храмам 113 433 раба, фиванские храмы владели территорией в 2833 кв. км, 81 322 рабами, 421 362 головами скота. Гелиопольские храмы владели 441 кв. км земли, 12 963 рабами, 45 544 головами скота; мемфисские — 28 кв. км земли, 3079 рабами, 10 047 головами скота». (И. Энгельс. Происхождение религии. М., 1954, стр. 107).

На Востоке появилась уже ритуальная литература (например, «Книга мертвых» в Египте), вся система образования и просвещения оказалась в руках жрецов. Они осуществляли подготовку новых кадров жречества. Научная деятельность являлась монополией касты жрецов. Все это отрицательно сказалось на многих сторонах общественной жизни древнего Востока. Попытки царской власти ограничить силу жречества неизменно оканчивались неудачей. Такую попытку еще в XXIV в. до н. э. предприняли, например, в Месопотамии цари из династии Ур-нанше. Борьба между царской властью и жречеством окончилась гибелью династии Ур-нанше и полным восстановлением власти жрецов. Египетское жречество также оказывало сильное влияние на всю политику государственной власти. Усилия фараонов ослабить влияние жрецов не давали должного результата. Крупные мероприятия против верхушки фиванского жречества осуществил Аменхотеп IV (Эхнатон, 1424—1388 гг. до н. э.), сделавший попытку провести религиозную реформу, призванную заменить прежние культы богов культом единого солнечного бога Атона. Однако могущество жречества удалось поколебать лишь на короткое время. При преемниках Эхнатона власть жрецов была вновь восстановлена; вновь были введены прежние культы, в том числе и культ фиванского Амона. Эпоха религиозных реформ окончилась победой могущественного фиванского жречества⁵².

Общественные отношения рабовладельческого общества обусловили, в конечном счете, специфическую форму рабовладельческих религий — *политеизм*. Вместе с дифференциацией общества происходит также и дифференциация сверхъестественных сил. Из общей, малорасчлененной массы духов анимизма выделяются боги политеизма. В противоположность духам, различающимся лишь по категориям, боги индивидуализированы, имеют имена, их гораздо меньше, чем духов. Каждый бог является олицетворением тех или иных сил природы и общественной жизни. Так, в Греции Зевс считался владыкой

⁵² См.: В. И. Авдеев. Древнеегипетская реформация. М., 1924
R. A n t h e s. Die Maat des Echnaton von Amarna. Baltimore, 1952.

неба, Посейдон — богом морей, Афина — покровительницей ремесел, Гермес — покровителем торговли, Деметра — богиней земледельческого труда и т. д.⁵³ В разное время и в разных местах к основным «функциям» тех или иных богов присоединяются различные дополнительные «функции». Но все же каждое божество является олицетворением определенных сил и явлений действительности. Среди остальных богов политеизма выделяются верховные боги. Верховный бог является повелителем других богов. Однако верховный бог политеизма существенным образом отличается от бога монотеизма. Он не является всемогущим и всеильным властителем. В отдельных случаях боги поступают наперекор желаниям верховного бога (например, во многих эпизодах Троянской войны, изображаемых у Гомера и в мифах). В наиболее ответственных случаях он принимает решения после совета с остальными богами. В некоторых случаях отдельные боги вступают в безуспешную борьбу с верховным богом. Например, в «Илиаде»⁵⁴ описывается попытка Посейдона, Геры и Афины схватить и связать Зевса. Лишь с помощью других богов удалось Зевсу удержаться у власти. В «Разговорах богов» Лукиан иронизирует над тем, что Зевс «тогда от страха не знал, что делать, хотя их было всего трое, и если бы не Фетида, которая сжалилась над ним и призвала на помощь сторукого Бриарея⁵⁵, он так и дал бы себя связать вместе с громом и молнией»⁵⁶. Такие эпизоды, разумеется, немислимы в религиях монотеизма. В религиях рабовладельческого Востока верховный бог обладал большей властью, чем в религиях античности, но и там, помимо верховного бога, было множество других богов, проявлявших по отношению к верховному богу большую или меньшую самостоятельность поведения.

⁵³ См.: Ф. Ф. Зелинский. Древнегреческая религия. Пг., 1918; Н. А. Кун. Легенды и мифы древней Греции. М., 1957.

⁵⁴ Гомер. Илиада, I, 399—406.

⁵⁵ Бриарей — в античной мифологии сторукий великан, сын Посейдона. Фетида — морская богиня.

⁵⁶ Лукиан. Избранные атеистические произведения. М., 1955. стр. 65.

Религиям развитого рабовладельческого общества с типичной для него относительной слабостью религиозной идеологии не было свойственно представление о едином и всемогущем небесном самодержце. На Востоке, где религиозная идеология играла гораздо более значительную роль в общественной жизни, чем в античном мире, политеизм был ближе к монотеизму, временами перерастая в него (иудейская религия последних веков до н. э.). Но и для рабовладельческого Востока типичной формой религии был политеизм.

Характерной чертой религий рабовладельческого общества было то, что эти религии являлись *национальными религиями*. В рабовладельческом обществе каждая народность имела свою религию. Боги той или иной религии «защищают» свой народ, и в то же время они враждебны всем богам других религий. «Боги, созданные таким образом у каждого отдельного народа,— пишет Ф. Энгельс,— были национальными богами, и их власть не переходила за границы охраняемой ими национальной области, по ту сторону которых безраздельно правили другие боги»⁵⁷. В рабовладельческих империях существовали различные религиозные культы, соответствовавшие тому конгломерату племен и народностей, который составлял империю. Даже наиболее прочное государственное объединение древности — рабовладельческое Римское государство — не смогло ввести у себя единого государственного культа. Попытки ввести поклонение, наряду с римскими, всем особо почитаемым богам покоренных Римом народов и установить единый пантеон богов империи окончились неудачей. Единая религия возникла лишь в процессе зарождения нового общества в недрах старого, рабовладельческого, в условиях кризиса, разложения и гибели рабовладельческого строя, в обстановке распада Римской империи. В эпоху господства рабовладельческого строя не было мировых религий, свойственных последующим антагонистическим формациям.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 378.

Национальный характер рабовладельческих религий объясняется в конечном счете особенностями эксплуатации рабского труда, с неизбежностью вытекает из характера общественных отношений рабовладельческого общества.

Рабовладельческая эксплуатация носит исключительно принудительный характер. Эксплуатация рабского труда является хищнической, приводит к быстрому износу рабочей силы. В связи с этим перед рабовладельческим обществом непрерывно стоит проблема пополнения класса рабов. Так как выращивание рабов рабовладельцы считали невыгодным⁵⁸, то основным источником рабочей силы являлись работорговля и войны. Уже постоянные столкновения с различными народностями из-за рабочей силы, постоянные войны между рабовладельческими государствами находили в известной мере свое выражение в национализме рабовладельческих религий. Далее, т. к. класс рабов пополнялся за счет других народностей, то рабы и рабовладельцы являлись в основном представителями различных народностей. Рабовладельцы стремились к тому, чтобы формировать кадры рабов из представителей не одной какой-либо народности, а из людей, принадлежащих к различным народностям⁵⁹. Класс рабов в этническом отношении был чрезвычайно пестрым. Эта этническая неоднородность класса рабов облегчала эксплуатацию рабов, до известной степени затрудняла массовые побег и восстания рабов. Таким образом, рабовладельцы, являясь господствующим классом, выступали в то же время как представители господствующей народности. Рабы же, будучи эксплуатируемым классом, являлись вместе с тем также и угнетенными представителями различных других народностей. Тацит приводит речь римского сенатора Гая Кассия, произнесенную в связи с убийством рабом префекта Рима. Гай Кассий говорит, что рабы «состоят из иноплеменников (*nationes*; это слово означало народности, чуждые Риму) и притом людей, у которых обряды совершенно не похожи на наши, по-

⁵⁸ См.: А. Боннар. Греческая цивилизация, т. I, стр. 155.

⁵⁹ См.: М. Н. Мейман. Экономические основы рабовладельческого общества, стр. 36.

сторонние нашим религиозные верования или и вовсе никаких нет. Этим сбродом (*colluvies*) нельзя управлять иначе, чем наводя на него страх»⁶⁰. Презрительное отношение рабовладельцев к рабам сопровождалось презрительным отношением к ним как к представителям иных народностей. Вместе с тем третировались и представляемые ими религии, как чуждые и враждебные. Все это нашло свое выражение в национальном характере религий рабовладельческого общества.

Учение о загробном мире, возмездии «на том свете», аде и рае является важнейшим орудием идеологического закабаления трудящихся, дающим возможность эксплуататорам воспитывать эксплуатируемых в духе покорности существующим порядкам. Оценка земных дел на том свете призвана устрашать массы, подвергающиеся эксплуатации, и в то же время утешать их, обещая на том свете вознаграждение и наказание независимо от социального положения. Но так как в рабовладельческом обществе религия, как было сказано выше, не могла быть, как правило, использована против основного трудящегося и эксплуатируемого класса общества, класса рабов, то и учение о возмездии «на том свете» не получило того значения, которое оно имело в религиях последующих классово антагонистических формаций.

Основные черты учения о загробном мире в религиях рабовладельческого общества сводятся к следующему. Религии рабовладельческого общества изображают загробное существование в целом как прямое продолжение земной жизни. Положение «на том свете» определяется, прежде всего, не соблюдением определенных моральных правил, а социальным положением умершего при жизни. Социальное неравенство сохраняется также и на том свете. «Существование» основной массы смертных «на том свете» ничем не отличается от их существования в период земной жизни. Например, по представлениям древних греков, цари в загробном мире продолжают вершить суд, души воинов занимаются военными

⁶⁰ Цитир. по кн.: Р. Ю. Виппер. Рим и раннее христианство, стр. 30.

играми и т. п. То же самое мы находим и в религии древнего Египта⁶². В этом вопросе рабовладельческие религии коренным образом отличаются от религий последующих классовых обществ, например от христианской религии.

Религии рабовладельческого общества, как правило, не распространялись на рабов⁶³, являвшихся основной трудящейся массой, поэтому и учение о загробном мире и возмездии на том свете не заняло должного места в религиях развитого рабовладельческого общества. В религиях античного мира, где противоречия рабовладельческого общества проявились в наиболее чистом виде, учение о загробном мире было разработано слабо, не было догматизировано и поэтому трактовалось весьма различным образом. В разное время и в разных местах существовали весьма разнообразные варианты этого учения⁶⁴. С. Рейнак отмечает, что греки имели много различных «представлений о загробном мире, но не дали себе труда составить из них стройной системы...»⁶⁵.

Но так как на рабовладельческом Востоке расслоение свободного населения было более значительным, чем в античном мире, и противоречия между рабовладельцами и мелкими производителями играли большую роль в жизни общества, то и учение о загробной жизни приобрело здесь большее значение, чем в античных религиях. Однако и там считалось, что спасение «на том свете» зависит, прежде всего, не столько от соблюдения определенных норм морали в земной жизни, сколько от соблюдения религиозных обрядов и определенных формальностей заупокойного культа. В Египте «Книга мертвых» является непременной принадлежностью каждого погребения. Заклинания, содержащиеся в этих папирусных списках, спасали умершего как от опас-

⁶² Г. Глазенапп говорит об аналогичности, в представлении древних египтян, потустороннего мира миру земному. (H. von Glase-napp. Die nichtchristlichen Religionen. Frankfurt a. M., 1957, S. 36)

⁶³ Исключения, касающиеся отдельных групп рабов, положение которых в рабовладельческом обществе было сравнительно менее тяжелым, отмечены выше.

⁶⁴ См.: С. Рейнак. Орфей, стр. 98—99.

⁶⁵ Там же, стр. 99.

ностей во время странствий к престолу Осириса, так и во время самого суда. Отрицание грехов на суде, которое становилось возможным благодаря заклинаниям, содержащимся в «Книге мертвых», вело к оправданию на суде. Сердце умершего при бальзамировании вынималось, чтобы при взвешивании во время суда оно не свидетельствовало против умершего⁶⁶. Кроме того, как справедливо отметил Г. В. Плеханов, «перспектива божественного суда не устраняла у древних египтян той мысли, что люди различных общественных классов и за гробом будут вести различное существование»⁶⁷. Иными словами, классовая противоположность продолжала сохраняться и на том свете.

Апологеты христианской религии правильно отмечают противоположность в этом пункте религий древности христианству. А. Мензис пишет, например, что египтянин «уверен, что поборет все враждебное, имея наготове известные магические действия, а не чистое сердце»⁶⁸. И эта черта религий древности также объясняется тем, что классовая функция религии еще не получила должного значения в рабовладельческом обществе, что основную массу рабов религия не призывала служить своим господам «с чистым сердцем», как выражается А. Мензис, ибо религия рабовладельцев не обращалась к рабам, не считая их за людей. Но господство религиозной идеологии на Востоке и та роль, которую играло там жречество, обусловили обстоятельную разработку заупокойного культа и учения о загробной жизни, в свою очередь содействовавших укреплению религии и усилению роли жречества в общественной жизни⁶⁹.

---

⁶⁶ В. В. Струве. Социальная проблема в заупокойном культе древнего Египта. «Религия и общество». Сборник статей по изучению социальных основ религиозных явлений древнего мира. Л., 1926, стр. 17.

⁶⁷ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 360.

⁶⁸ А. Мензис. История религии, стр. 115.

⁶⁹ О роли учения о загробном мире в древнеегипетской религии см.: В. В. Струве. Заупокойный культ древнего Египта. Пб., 1919; М. Э. Матъе. Из истории свободомыслия в древнем Египте. «Вопросы истории религии и атеизма», т. III. М., 1955, стр. 382 и сл.

Грехи, за которые происходит осуждение на том свете, также отличаются от грехов, осуждаемых религиями последующих общественно-экономических формаций, например христианской. Осуждение здесь происходит главным образом косвенно, как осуждение прегрешений против богов рабовладельческих религий, и является еще лишь редким исключением для религий рабовладельческого общества. Этой каре подвергаются лишь те смертные, которые совершили особо тяжкие проступки перед богами. Такими осужденными за преступления против богов на вечные муки в греческой мифологии являются, например, Иксион, оскорбивший Геру, Тантал, разгласивший людям тайны богов, Титий, оскорбивший Латону, мать Аполлона и Артемиды и т. д.

Обычно же дело ограничивалось менее жестокими мерами. Так, согласно древнеегипетской религии, если результат загробного суда был благоприятным для умершего, то последний уподоблялся Осирису и отправлялся в страну блаженных. Если же суд выносил обвинительный приговор, то он отдавался так называемой «пожирательнице»⁷⁰. Для рабовладельческих религий не было еще характерно учение о «вечных муках» на том свете. Но и «вечного блаженства» после смерти достигают лишь немногие, любимцы богов, большинство же продолжает вести «на том свете» ту же самую жизнь, что и «на этом». Этому представлению соответствовал и характер похорон, когда вместе с покойником сжигались или клались в могилу те вещи, которыми он пользовался при жизни⁷¹.

Таким образом, особенности общественных отношений рабовладельческого общества являлись в конечном счете решающим фактором особенностей религиозной идеологии, которая в эпоху рабовладельческого общества приобрела следующие характерные черты:

---

⁷⁰ В. В. Струве. Заупокойный культ древнего Египта, стр. 18—19.

⁷¹ О характере похорон см.: Н. Кеес. Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypter. Berlin, 1956, S. 32—33; см. также O. Neubert. Tut-Ench-Amun Gott in goldenen Särgen. Hamburg—Wien, 1956.

1) религия не играла большой роли в жизни развитого рабовладельческого общества (античный мир), чем была обусловлена слабость жречества;

2) олицетворение общественных явлений еще не заняло господствующего места в религии;

3) типичной формой религий рабовладельческого строя является политеизм;

4) рабовладельческие религии имеют национальный характер;

5) учение о загробном мире изображает существование «на том свете», как продолжение земной жизни.

Здесь необходимо также остановиться на некоторых вопросах *происхождения христианской религии*.

Если сопоставить религиозную идеологию рабовладельческого общества, с одной стороны, и феодального,— с другой, то мы увидим, что в ряде случаев между ними окажутся существенные различия. Религиям рабовладельческого общества, как правило, свойственен политеизм, национальный характер и утверждение, что социальные различия на том свете сохраняются. В религиях феодализма господствует монотеизм; религии приобретают наднациональный характер; существование на том свете зависит не от социального положения умерших, а от соблюдения определенных моральных правил в земной жизни. Эти догматические положения являлись продуктом реальных общественных отношений и интересов.

Христианство с самого начала своего возникновения в значительной мере отличается от религиозной идеологии рабовладельческого общества. В то же время ему присущи те черты, которые свойственны и религиям развитого феодального общества.

Нельзя, конечно, считать, что тот переворот, который был совершен христианством в идеологии, был случаен и не связан с изменениями экономики. Процесс формирования христианства совершался вместе с возникновением в недрах рабовладельческого общества Римской империи элементов новых феодальных отношений.

Христианство возникло в Римской империи, рабовладельческом государстве. Но оно явилось не результатом отмиравших рабовладельческих производственных отно-

шений, а результатом зародившихся в недрах рабовладельческого строя элементов новых феодальных производственных отношений. На это впервые указали еще К. Маркс и Ф. Энгельс:

«Говорят об идеях, революционизирующих все общество; этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей.

Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией»⁷².

В начале новой эры рабство в Риме вступает в стадию кризиса⁷³. Рабовладельческий способ производства исчерпал свои возможности. К этому времени рабство становится экономически невыгодным. Производственные отношения перестают соответствовать производительным силам, вступают в конфликт с ними. Возросший в рабовладельческом обществе уровень производительных сил требует новых производственных отношений⁷⁴. Начинается постепенная перестройка всей рабовладельческой системы хозяйства. Рабы получают возможность обзаводиться семьями⁷⁵. Постепенно ликвидируются эргастулы (казармы, в которых содержались рабы) с характерным для них каторжным режимом. Ра-

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 445.

⁷³ Большинство советских историков начало кризиса, т. е. начало конфликта между производительными силами и производственными отношениями, датирует концом II в. Однако некоторые явления, характерные для этого периода, наблюдались и ранее. Это особенно относится к областям, где рабство было наиболее развито. См.: Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 24.

⁷⁴ В это время был изобретен новый тип плуга, явившийся существенным усовершенствованием техники сельскохозяйственного производства, широкое распространение получают жатки, водяные мельницы и т. д. О росте производительных сил в этот период см.: А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. «Вестник древней истории», 1953, № 3, стр. 80 и сл.

⁷⁵ В эпоху империи семьи рабов становятся обычным явлением. См.: А. И. Тюменев. История античных рабовладельческих обществ. стр. 224.

бов начинают прикреплять к земельным участкам, взимая с них часть урожая или заставляя часть времени работать на господина. Таким образом рабовладельческие хозяйства постепенно преобразовываются в крепостнические. Другим элементом формирующихся производственных отношений феодализма явилась получившая в это время широкое распространение система колоната, т. е. привлечение на землю первоначально свободных арендаторов и закабаление их. На систему колоната была переведена часть рабов⁷⁶. Постепенно различия между всеми этими социальными группами исчезали и из них образовывался единый класс полувисимых земледельцев. В области ремесла происходит вытеснение рабского труда трудом вольноотпущенников. С начала империи отпуск рабов-ремесленников на волю приобретает очень большие размеры⁷⁷.

Этот процесс роста новых отношений все более прогрессировал на протяжении первых веков новой эры. Вместе с этим формировалось и одновременно расширяло сферу своего действия христианство⁷⁸. Нужно сказать, что экономическая практика, как всегда бывает в таких случаях, шла впереди юридической.

Подавляющее большинство участников дискуссии, проходившей на страницах журнала «Вестник древней истории» в 1953—1956 гг. и посвященной проблеме падения рабовладельческого строя, признало положение о развитии феодальных производственных отношений в недрах рабовладельческого строя Римской империи. Подводя итоги дискуссии, редакционная коллегия журнала специально отметила, что «классовая принад-

---

⁷⁶ Основная масса рабов постепенно сливается с классом колоннов. См.: Е. М. Штаерман. Проблема падения рабовладельческого строя. «Вестник древней истории», 1953, № 2, стр. 59.

⁷⁷ См.: А. И. Тюменев. История античных рабовладельческих обществ, стр. 227.

⁷⁸ Вопреки церковной традиции христианство вплоть до середины II в. было мало известно. См.: А. Б. Ранович. Античные критики христианства. М., 1935, стр. XII. Однако в конце II и начале III в. христианство делает быстрые успехи. См.: Е. М. Штаерман. Гонения на христиан в III в. «Вестник древней истории», 1940, № 2, стр. 99 и сл.

лежность той или другой социальной группы определяется, не юридическими моментами, но прежде всего ее местом в системе общественного производства»⁷⁹.

Однако юридическое положение эксплуатируемых, и в частности рабов, также менялось. Достаточно сказать, что уже в первой половине II в. при императоре Адриане господину было запрещено убивать раба⁸⁰. Выше обращалось внимание на развитие колонатных отношений и на перевод части рабов на систему колоната.

Христианство возникло, во всяком случае в своем основном течении, как идеология широких народных масс, выразивших свой протест против существующего строя в религиозной форме. Положение свободных земледельцев, попавших в крепостную зависимость, значительно ухудшилось. Положение рабов также мало улучшалось от того, что одна форма эксплуатации сменяла другую. Кроме того, в Римской империи эксплуатации подвергались широкие слои покоренных Римом народов. В христианстве первоначально проявлялись интересы этих угнетенных слоев⁸¹.

Взгляд на раннее христианство как на религию рабов, получивший известное распространение в нашей литературе, нам представляется односторонним.

Рабы как класс рабовладельческого общества не могли выражать свой протест в религиозной форме (о чем уже говорилось выше). Подобная форма протеста стала возможна лишь в условиях начавшейся феодализации общества.

Изменения в положении рабов привели к тому, что широкие слои рабов могли принять участие в новом

⁷⁹ Проблема падения рабовладельческого строя. (К итогам дискуссии). «Вестник древней истории», 1956, № 1, стр. 6.

⁸⁰ Всемирная история, т. II. М., 1956, стр. 647. Раб, которого нельзя «продать, купить, убить, как скотину», фактически уже не является рабом. Его невозможно эксплуатировать старыми способами.

⁸¹ Как указывает Ф. Энгельс, «христианство возникло как движение угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенных, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов». (К. Маркс и Ф. Энгельс. О религии. М., 1955, стр. 243).

религиозном движении, наряду с другими слоями угнетенных и эксплуатируемых масс. Однако, говоря о социальном положении рабов, выражавших свой протест в религиозной форме, необходимо учитывать, что те рабы, которые были посажены на земельные наделы, несмотря на то, что юридически они в течение некоторого времени продолжали оставаться рабами, в действительности становились крепостными, т. е. являлись представителями не старого, а нового общественного строя⁸². Вольноотпущенники, занятые ремеслом, также сохраняли определенные отношения со своими прежними владельцами, аналогичные отношениям колонов к земле-владельцам. В связи с начавшимся массовым отпуском рабов на волю существенно изменилось и положение еще не освобожденных рабов.

В тех исторических условиях борьба народных масс против ига эксплуатации еще не могла дать должных результатов. Борьба рабов против рабовладельцев окончилась общей гибелью борющихся классов. Борьба формирующегося класса крепостных крестьян против новых форм эксплуатации также не могла быть успешной не только в силу разобщенности крепостного крестьянства, но и в связи с отсутствием в это время экономических условий для освобождения от крепостной зависимости. Вновь возникавшему трудящемуся и эксплуатируемому классу предстояло владеть ярмом эксплуатации еще на протяжении многих веков средневековья. Восстания народных масс не достигали желаемого результата. Все это определило пассивность протеста трудящихся масс, вылившегося в религиозную форму.

Христианство явилось религией, утешавшей народные массы, обратившие свои взоры на небо. Оно примирало их с жизнью, обещая улучшение лишь на том

---

⁸² «Понятие *раб* в I в. и начале II в. н. э. уже лишено единства содержания» (О. А. Ротберг. О дифференциации рабов в Риме в I и начале II в. н. э. «Ученые записки Моск. пед. ин-та им. Ленина», т. 68. Кафедра средних веков и древней истории, вып. 4, 1954, стр. 190). Кроме того, как говорилось выше, изменялось и правовое положение рабов.

свете. Все это дало возможность господствующим классам использовать христианскую религию в своих интересах против трудящихся масс, сделать ее орудием эксплуатации.

Все же нужно учитывать, что раннее христианство имело известное значение в поступательном движении общества. Ф. Энгельс называет первоначальное христианство «крупным революционным движением»⁸³. В раннем христианстве нашел свое отражение протест народных масс против существующих порядков. Если религии рабовладельческого общества, с которыми столкнулось ранее христианство, были, прежде всего, религиями рабовладельцев, т. е. эксплуататоров, то раннее христианство получило широкое распространение среди угнетенных и эксплуатируемых народных масс, пусть пассивно, но все же протестующих против существующих порядков.

В. И. Ленин отмечал демократически-революционный дух первоначального христианства⁸⁴. Демократически-революционный дух раннего христианства проявляется, во-первых, в том, что христианство имело широкое распространение среди народных масс, во-вторых, в том, что христианство являлось не продуктом собственно рабовладельческого общества, а продуктом формирующегося нового общественного строя, возникавшего в процессе разложения рабовладельческого строя. Христианство, порожденное новыми экономическими отношениями, было по существу направлено против старой рабовладельческой идеологии, против рабовладельческих религий, а следовательно, косвенным образом и против старых рабовладельческих порядков. Христианство по своему духу было противоположно всей прежней идеологии. Как отмечает Ф. Энгельс, «оно вступило в резкое противоречие со всеми существовавшими до тех пор религиями»⁸⁵. Христианство отличается от религий рабовладельческого общества прежде всего тем, что «в христианстве впервые было выражено отрицательное равенство перед богом всех людей

⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. О религии, стр. 160.

⁸⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 392.

⁸⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. О религии, стр. 156.

как грешников и в более узком смысле равенство тех и других детей божиих, искупленных благодатью и кровью Христа»⁸⁶. Для религий рабовладельческого общества подобный взгляд был немислим, так как взгляд идеологов рабовладельцев на раба как на вещь исключал равенство рабов и рабовладельцев даже перед богами. Учение о санкциях на том свете не распространялось на рабов. Рабовладельческие религии при разработке учения о возмездии на том свете сбрасывали рабов со счета. Будучи направлено против религий гибнущего рабовладельческого общества, против религий, освящавших это общество, христианство сыграло известную прогрессивную роль. На первых порах оно объективно способствовало замене одной формы эксплуатации другой, более высокой⁸⁷. Естественно, что вместе с ликвидацией рабства, вместе с заменой рабства феодализмом был утрачен и демократически-революционный характер раннего христианства.

Нельзя, конечно, преувеличивать прогрессивное значение даже раннего христианства. Выражая в известной мере интересы народных масс и складывающиеся новые общественные отношения, отражая тем самым до известной степени потребности поступательного движения общества, христианство отражало эти потребности в извращенной и фантастической, религиозной форме, придавало земным силам характер неземных. Оно было прогрессивно, поскольку первоначально в известной мере выражало потребности общественного развития. Оно

---

⁸⁶ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 323—324.

⁸⁷ Этот факт отмечен рядом исследователей. Акад. К. В. Островитянов пишет, что «христианское учение в период разложения рабства и возникновения феодализма сыграло известную прогрессивную роль, содействуя переходу общества со стадии рабства на более высокую ступень — феодального развития» (К. В. Островитянов. Очерки экономики докапиталистических формаций. М., 1945, стр. 87) «Христианство, — пишет А. Боннар, — сулило спасение всем людям, богатым и бедным, свободным и рабам, делало всех равными перед лицом бога — именно поэтому оно победило и поглотило изнутри античное общество, разрушив его рабовладельческую основу» (А. Боннар. Греческая цивилизация, т. I, стр. 167).

было реакционно, поскольку выражало эти потребности в религиозной форме.

Принявшие участие в христианском движении слои господствующих классов являлись по своей социальной природе группами феодализирующейся знати. По своему происхождению они являлись выходцами из рабовладельческой среды. Они были заинтересованы в отмирании рабства, ставшего невыгодным, но лишь в отмирании постепенном и мирном. Они были не против сохранения тех пережитков рабства, которые способствовали укреплению их власти над производителями материальных благ. Поэтому и христианская идеология, все более активно выражавшая интересы этого вновь формирующегося эксплуататорского класса, не противостояла отжившему свой век классу рабовладельцев столь решительно и определенно, как это было, скажем, с идеологией французской буржуазии в ее борьбе с феодализмом. Христианская идеология, по существу направленная на разрушение старого общественного строя, не отличалась тем не менее твердой последовательностью. В этом — одна из характерных особенностей христианства, становящегося постепенно официальной, господствующей религией. Пережитки рабства сохранялись долго⁸⁸, и господствующие классы использовали их в своих интересах, но не эти пережитки определяли способ производства и соответствующие ему новые формы идеологии, в том числе и христианство. Нужно сказать, что христианство, которое призывало рабов повиноваться своим господам (под «рабами» подразумевались не только собственно рабы, но и вообще все эксплуатируемые), фактически боролось против рабства. Об этом говорят, в частности, решения церковных соборов, происходивших в IV—V вв. Соборы грозили церковными наказаниями тем, кто возвращал вольноотпущенника,

---

⁸⁸ В Византии рабство (преимущественно в форме домашнего рабства) сохранялось вплоть до XIV—XV вв. Однако рабство уже с IV в. не играло ведущей роли в производстве ни в городе, ни в деревне. (См.: Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии «Вестник древней истории», 1955, № 4, стр. 64—65).

за которым не было соответствующей вины, в рабское состояние⁸⁹.

Государство Константина, сделавшего христианство государственной религией, было государством крупных землевладельцев, подвергающих эксплуатации непосредственного производителя, наделенного средствами производства и прикрепленного не к господину, а к земле, т. е. уже не являющегося рабом. Оно вело борьбу как с революционным движением масс, так и с остатками отживающих социальных слоев⁹⁰. Рабовладельческая формация заканчивает свое существование.

В эпоху *феодального строя* был достигнут дальнейший прогресс производительных сил по сравнению с рабовладельческим строем. Однако рост производительных сил был ограничен узкими рамками феодальных производственных отношений. Преобладающую роль в экономике играло сельское хозяйство. Процесс производства осуществлялся мелкими производителями-крестьянами, находившимися в крепостной зависимости от помещиков. Пределы совершенствования орудий труда в условиях распыленности производства были чрезвычайно ограничены. Производительность крестьянского труда была низкой, производство развивалось медленно. Уровень производительных сил в эпоху феодализма продолжал оставаться на относительно невысоком уровне. Этот уровень производительных сил еще не давал возможностей для преодоления зависимости человека от сил природы.

Основу феодального строя составляет собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства — крепостного крестьянина. Феодал не может убить крестьянина, но он может его купить и продать. Феодальная собственность дополняется собственностью крепостных крестьян, а также ремесленников на принадлежащие им орудия

---

⁸⁹ См.: А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V веках. «Вестник древней истории», 1954, № 2, стр. 55—57.

⁹⁰ См.: Е. М. Штаерман. Проблема падения рабовладельческого строя, стр. 77

производства и основанное на личном труде частное хозяйство. Феодальный способ производства базируется на крепостной зависимости крестьянина от помещика, т. е. на внеэкономическом принуждении. Однако феодальное внеэкономическое принуждение существенным образом отличается от рабовладельческого. Внеэкономическое принуждение дополняется экономической заинтересованностью крестьянина в ведении своего индивидуального хозяйства. Собственность феодала на работника производства не является полной. В связи с этим для эксплуататора, наряду с мерами принуждения, огромную роль приобретают меры идеологического воздействия. Характер религии при феодализме и та роль, которую играет религия в жизни феодального общества, определяются общественными отношениями на данном этапе их развития и полностью соответствуют этим отношениям.

Потребность дополнить меры принуждения основной трудящейся и эксплуатируемой массы населения, крепостного крестьянства, мерами идеологического воздействия влечет за собой существенное изменение религиозной идеологии на грани рабовладельческого и феодального общества. Религия как орудие классовой борьбы в руках эксплуататорских классов при феодализме используется против основного эксплуатируемого класса общества, связывая его борьбу за изменение существующих порядков верой в божественный характер эксплуатации. Феодалы были в полной мере заинтересованы в распространении религиозной идеологии, которая в огромной степени помогала им эксплуатировать всю массу крепостного крестьянства.

В то же время условия жизни крестьянства способствуют распространению и укреплению религиозной идеологии в его среде. Крепостной крестьянин придавлен гнетом сил природы и общества. Крестьянин является мелким производителем, индивидуальный характер крестьянского хозяйства препятствует сплоченности крестьянства как класса, затрудняет борьбу против феодализма. Крестьянство может одержать победу в борьбе со своими угнетателями только в союзе и под руководством других классов общества. Но все же крестьян-

ство не является столь разобщенным классом, как класс рабов. Принадлежность к одной народности, общность языка — все это создает гораздо бóльшие возможности общения по сравнению с теми возможностями, которые имелись у рабов. Бóльшая сплоченность крепостного крестьянства, составлявшего огромное большинство населения феодальных стран, требовала от господствующих классов особых мер для удержания в повиновении трудящихся, в применении по отношению к ним, наряду с мерами принуждения, мер идеологического воздействия, наиболее эффективной из которых была религия. Вместе с тем более прочные связи внутри крепостного крестьянства (сравнительно с рабами) создавали реальные предпосылки для выработки эксплуатируемыми массами религиозной идеологии и для восприятия ее извне.

В силу того, что религия в феодальном обществе помогает эксплуататорам держать в повиновении самые широкие слои народных масс, она приобретает огромную роль в общественной жизни. Французский атеист XVIII в. С. Марешаль называл средневековье «золотым веком поповщины»⁹¹. «Средние века, — пишет Ф. Энгельс, — присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму»⁹².

Усилению роли религии в общественной жизни соответствовало усиление роли религиозных организаций. Церковь становится крупнейшей экономической и политической силой, сосредоточившей в своих руках до одной трети всей земли в каждой стране. То влияние, которое оказывала церковь на политические события эпохи феодализма, общеизвестно. Ф. Энгельс говорит о духовной диктатуре церкви в средние века⁹³.

⁹¹ С. Марешаль. Избранные атеистические произведения. М., 1958, стр. 147.

⁹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 379.

⁹³ Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., 1955, стр. 3.

Буржуазные историки религии стараются в выгодном свете представить деятельность церкви в средние века, изображают ее носительницей прогресса и цивилизации. «Средневековое общество,— пишет С. Рейнак,— обязано церкви многим. Отрицать это — значит признавать чудом ее долгое существование»⁹⁴. Г. Кропп в недавно вышедшей книге пишет, что «христианское средневековье, поскольку оно было эпохой, опирающейся на гуманность, благодаря соответствию веры и знания уже тогда дало западному миру единство, которого мы вновь добиваемся сегодня»⁹⁵.

На самом деле церковь в эпоху феодализма играла глубоко реакционную роль. Она не только не сохраняла, но, наоборот, варварски уничтожала культурное наследие прошлых исторических эпох. Она уничтожила лучшие памятники античной культуры. Церковь препятствовала научной деятельности, ибо наука противостояла пропагандируемой церковью религиозной идеологии. История не знает более варварских методов преследования науки, чем те, которые применяла церковь и основанная ею инквизиция в эпоху феодализма. Ф. М. Вольтер сравнивал средневековую Европу с «огромным эшафотом, покрытым палачами и жертвами, окруженным судьями, сбирами и зрителями»⁹⁶. Достаточно сказать, что лишь один из многих судей — немецкий теолог и юрист Бенедикт Карпцов (1595—1666), утверждавший, что он прочел Библию от начала до конца 53 раза, вынес или утвердил 20 000 смертных приговоров лишь по обвинению в колдовстве⁹⁷. Церковь преследовала всякое проявление свободной мысли в средние века. Такова была «культурная» миссия церкви, столь превозносимая буржуазной историей религии.

Буржуазные историки религии изображают религию и церковь движущей силой исторического прогресса и

⁹⁴ С. Рейнак. Орфей, стр. 332.

⁹⁵ G. Kropp. Von Lao-tse zu Sartre Berlin — München, s. a., S. 70.

⁹⁶ «Французские просветители XVIII в о религии» М., 1960, стр. 179.

⁹⁷ H. Fuëbsz. Hat die Bibel recht? Leipzig — Jena, 1958, S. 92

даже защитницей интересов народных масс. Христианская религия,— пишет А. Мензис,— это «не ярмо, принуждающее к чему-либо людей и унижающее их, а вдохновляющая сила, способная проникнуть во всякого рода жизнь и сделать людей выше и лучше, каково бы ни было их занятие»⁹⁸. Христианская религия,— говорит С. Рейнак,— «была очень на руку трудолюбивым народам. Церковь, впрочем, объявила труд обязательным даже для монахов; христианство не было или, вернее, было разве только в исключительных случаях религиею паразитов, прихлебателей и тунеядцев»⁹⁹. Эти измышления нужны буржуазным социологам для приукрашивания религии и создания своего рода ореола вокруг религии и церкви.

Однако факты опровергают эти измышления буржуазных апологетов религии. Религия всегда была ярмом для народных масс, принуждала их влачить иго эксплуатации. Эта роль религии особенно возрастает в эпоху феодализма, так как именно с этого времени религия как мера идеологического воздействия эксплуататорских классов охватывает всю массу трудящегося и эксплуатируемого народа. Христианство является именно «религией паразитов, прихлебателей и тунеядцев», так как оно было и есть орудие в руках эксплуататоров, паразитически живущих за счет народа. Оно рассматривает существующие общественные порядки как имеющие сверхъестественное, божественное происхождение и тем самым освящает существующее положение вещей, является тормозом общественного прогресса.

Феодализм в наиболее чистом виде существовал в основных странах Европы. В странах Востока (Китае, Индии, Японии и др.) феодальные отношения сочетались с отношениями рабства и даже с патриархально-родовыми отношениями. Поэтому характер религиозной идеологии феодализма удобней всего рассмотреть на примере религии, получившей распространение в условиях развития феодализма в европейских странах, на

⁹⁸ А. Мензис. История религии, стр. 314.

⁹⁹ С. Рейнак. Орфей, стр. 333.

примере христианской религии, являющейся типичной религией феодального общества.

В противоположность религиям рабовладельческого общества, где олицетворение сил природы занимало ведущее положение, в христианстве олицетворение сил природы, хотя и занимает видное место, тем не менее отступает на задний план. Главное место в религиозной идеологии окончательно отводится олицетворению сил общества. Это объясняется тем, что начиная с эпохи феодализма, религия становится важнейшим идеологическим фактором, закрепляющим эксплуатацию человека человеком.

Большое место в христианстве занимает мораль, причем христианство проповедует нормы морали, отвечающие интересам господствующих классов. Христианство теснейшим образом связано с моралью. Путем моральной проповеди христианство стремится прежде всего осуществить воспитание угнетенных в духе покорности своим хозяевам, в духе уважения существующего порядка вещей. Огромное значение в христианстве приобретает учение о загробном мире, о возмездии на том свете, учение об аде и рае. Это учение призвано, во-первых, запугивать народные массы, угрожая им наказанием «на том свете» за неповиновение своим угнетателям на этом. «Отнимите у христианина страх перед адом,— писал Д. Дидро,— и вы отнимете у него веру»¹⁰⁰. С другой стороны, это учение призвано также утешать народные массы, суля им в будущем лучшую жизнь за смирение и покорность, за безропотное повиновение на этом свете.

В противоположность религиям рабовладельческого строя, являвшимся религиями национальными, религии феодализма являются религиями наднациональными. Получают широкое распространение так называемые мировые религии: христианство, ислам, буддизм, которые исповедуются не какой-либо отдельной народностью, а населением целых районов земного шара.

---

¹⁰⁰ Д. Дидро. Избранные атеистические произведения. М. 1956, стр. 47

Характерно, что единая для всей Европы религия (христианство) существовала в условиях крайней территориальной раздробленности, свойственной феодализму. Кроме того, христианская религия разносилась миссионерами в различные другие части света. И поныне христианство и другие мировые религии имеют широкое распространение среди различных наций. «Чудеса христианства,— пишет Л. Фейербах,— которые также хорошо характеризуют христианство, как чудеса Ветхого завета — иудейство, способствуют не благу одной какой-нибудь *нации*, а *благу человека* — но только человека, непременно верующего во Христа...»¹⁰¹.

В феодальном обществе эксплуататоры и эксплуатируемые принадлежат уже не к различным народностям, а к одной и той же народности, они говорят на одном и том же языке, имеют одну и ту же религию. В силу самого характера феодальной эксплуатации помещик уже не может смотреть на крепостного, как на вещь. Пополнение эксплуатируемых классов происходит не за счет других народностей, а за счет своей собственной народности. Все эти обстоятельства, обусловленные производственными отношениями феодального общества и характером феодальной эксплуатации, приводят к тому, что религия утрачивает свой национальный характер, та или иная религия перестает быть монополией одной какой-либо народности, может быть воспринята другими народностями или навязана им. Религия приобретает наднациональный характер. Например, в Новом Завете говорится: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»¹⁰². «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные; и все напоены одним Духом»¹⁰³. Апологеты христианской религии объясняют распространенность

---

¹⁰¹ Л. Фейербах. Избранные философские произведения, т. II. М., 1955, стр. 152.

¹⁰² Послание к Галатам, 3, 28.

¹⁰³ Первое послание к Коринфянам, 12, 13.

христианства среди различных народностей и наций высокими идеалами христианства. Однако наднациональный характер христианства объясняется характером общественных отношений феодального общества, являвшихся той социальной основой, на которой развивалась религиозная идеология феодализма.

В то время как типичной формой религии эпохи рабства был политеизм, типичной формой религии, начиная с эпохи феодализма, становится монотеизм. Правда, ни одна религия не является строго и последовательно монотеистической. Например, в христианстве наряду с богом-отцом существуют бог-сын и бог-дух святой (троица), а также богоматерь, святые и т. д. «Количество святых,— пишет французский историк религии А. Мальвер,— созданных легендами и традициями, неисчислимо. В XV веке каноник Пассо говорил, что если бы праздники справлялись ежеминутно, то все-таки для празднования всех святых не хватило бы года. Вследствие невозможности включить такую массу дней в ограниченные рамки календаря, было решено, чтобы не пропустить ни одного, посвящать один день в году празднику всех святых»¹⁰⁴.

Но все же христианство и другие монотеистические религии по своей форме существенно отличаются от политеизма. Как было показано выше, даже верховные боги политеизма не являлись ни всевидящими, ни всемогущими. Лишь бог монотеизма является всемогущим, вездесущим и всевидящим. Отношения между таким богом и другими сверхъестественными силами также существенно отличаются от отношений, существующих между богами политеизма.

Бог монотеизма является всемогущим деспотом не только по отношению к людям, но также и по отношению к другим сверхъестественным силам, которые являются лишь слепыми исполнителями божественной воли. В религиях рабовладельческого общества с характерным для него относительным свободомыслием и сравнительно небольшой ролью, которую там играла религия, не было

¹⁰⁴ А. Мальвер. Наука и религия, стр. 136.

необходимости в таком всемогущем боге. Религия в феодальном обществе играла гораздо более серьезную роль, чем в рабовладельческом. Даже в восточных рабовладельческих деспотиях религия никогда не имела такого значения в общественной жизни, как при феодализме. Именно в обстановке усиления роли религии в общественной жизни происходит создание образа единого бога монотеизма, именно в этих условиях совершается переход от политеизма к монотеизму. Ф. Энгельс указывал, что единый бог не был бы возможен без единого царя, что единство бога является копией единого восточного деспота¹⁰⁵. При этом необходимо учитывать то, что для единой восточной деспотии была типична религия не с единым богом, а со множеством богов. Монотеизм окончательно сложился позднее, когда рабовладельческие восточные деспотии уже пришли в упадок. Однако при формировании образа единого бога монотеизма в качестве «прототипа» служил образ некогда могущественного восточного деспота. Именно в этом смысле бог монотеизма (например, христианского монотеизма) является копией единого восточного деспота. Монотеизм был порожден исключительным и безраздельным господством религии в сфере общественного сознания.

В силу этих условий, например в феодальной Европе, отличавшейся крайней территориальной, экономической и политической раздробленностью, получило распространение христианство, религия монотеистическая по своей форме. Если в рабовладельческом обществе единому царю соответствовало множество богов, то в феодальном обществе множеству царей соответствовал единый бог.

Как говорилось выше, фантастическое отражение общественных явлений, в противоположность религиям первобытнообщинного и рабовладельческого строя, занимает в религиях эпохи феодализма ведущее место. Однако наряду с этим в религии продолжает находить себе место зависимость человека от сил и явлений приро-

---

¹⁰⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI. М., 1932, стр. 45.

ды, трудность борьбы широких масс крестьянства с природой.

Сельскохозяйственное производство — основа феодального производства — в очень значительной мере зависело от природных условий. Неурожайные годы были частым явлением в жизни крестьянства. Все это способствовало олицетворению сил природы, укрепляло и поддерживало веру в небесных покровителей производства. Богов политеизма заменил культ святых, из которых многие были олицетворением сил природы и покровителями сельскохозяйственного производства. В русской православной церкви к такого рода святым относятся, например: св. Власий (покровитель рабочего скота), св. Зосима и Савватий (покровители пчел), св. Егорий (покровитель сельского хозяйства, особенно животноводства), Илья-пророк (покровитель земледелия), а также св. Никола, Еремей Запрягальник, Флор и Лавр, Борис и Глеб и т. д. Религия в фантастической форме отражает действительный гнет природы над человеком

Таким образом, общественные отношения феодализма как социальная основа развития религии на данном этапе обусловили следующие характерные черты религиозной идеологии:

1. Религия играет огромную роль в жизни феодального общества, что делает церковь организацией, мощной в экономическом и политическом отношении. Религия является той идеологической силой, которая связывает основную массу трудящихся и эксплуатируемых верой в божественность эксплуатации.

2. Олицетворение сил природы отступает на задний план. Ведущее место в религии занимает олицетворение сил общества.

3. Учение о потустороннем мире, моральном возмездии, аде и рае получает свое полное развитие.

4. Религия проповедует необходимость классов и эксплуатации человека человеком, смирение и покорность народных масс господствующим классам.

5. Религии эпохи феодализма имеют наднациональный характер.

6. Типичной формой религии при феодализме является монотеизм.

Дальнейший подъем производительных сил связан с *капитализмом*. Переход от феодализма к капитализму ознаменовался бурным, невиданным до этого в истории развитием производства. Менее чем за сто лет своего классового господства буржуазия создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые.

Тем самым был в известной степени преодолен гнет природных сил над обществом, благодаря чему их олицетворение перестало играть в религиозной идеологии существенную роль.

Однако, несмотря на значительный прогресс науки и техники, беспомощность человека перед природными стихиями существует и при капитализме. Происходит это потому, что в погоне за прибылями предприниматели хищнически ведут хозяйство, разбазаривая природные богатства и не думая о более далеких последствиях такой деятельности. Капитализму органически чуждо перспективное планирование в масштабе всего государства. В результате подобного хозяйничания действие природных стихий проявляется иногда с разрушительной силой. Этого не отрицают даже сами представители капиталистического мира.

Видный политический деятель США А. Гарриман после посещения Советского Союза писал следующее: «Когда сравниваешь нашу беспорядочную практику возделывания земель, которая, по крайней мере частично, приводит нас к нашей проблеме выветривания и образования «пыльных котлов», с осторожностью и заботой, проявляемыми советскими агрономами в отношении новых земель в Казахстане, трудно не составить себе впечатления, что подобная катастрофа у них значительно менее вероятна»¹⁰⁶.

В эпоху империализма капиталистические производственные отношения уже не способствуют развитию

---

¹⁰⁶ «Правда», 5 января 1960 г.

производительных сил, а тормозят их развитие (что, конечно, не означает, что развитие производительных сил вообще прекращается). Только ликвидировав частную собственность на средства производства, анархию производства, можно осуществить господство над природой. Кроме того, развитие производительных сил в различных отраслях капиталистического производства неодинаково.

Основой капиталистических производственных отношений является собственность капиталиста на средства производства и отсутствие собственности на работника производства — наемного рабочего. Наемный рабочий свободен от личной зависимости. Однако в силу того, что рабочий лишен средств производства, он вынужден отдавать свою рабочую силу капиталисту.

Капиталистическое общество, так же как и другие классовые общества, существовавшие до него, основано на эксплуатации человека человеком. Капиталистическая собственность дополняется основанной на личном труде частной собственностью свободных от личной зависимости крестьян и ремесленников. Однако эти классы в ходе развития капитализма распадаются, пополняя собой основные классы капиталистического общества — класс капиталистов и рабочий класс. Кроме того, при капитализме город эксплуатирует деревню.

В эпоху капитализма, как и в предшествующих формациях, существует социальная придавленность трудящихся масс, стихийное действие общественных сил, приносящее неисчислимые бедствия миллионам угнетенных. «Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д.— вот в чем самый глубокий современный корень религии», — говорит В. И. Ленин ¹⁰⁷.

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 374—375.

Эксплуатация человека человеком, классовый гнет, нищета широких слоев трудящихся — все это характерные черты жизни капиталистического мира. Даже такой реакционный профсоюзный деятель Соединенных Штатов, как председатель исполкома АФТ — КПП (Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов) Д. Мини, выступая в сенатской комиссии по вопросам труда и общественного благосостояния в марте 1960 г., вынужден был признать, что по крайней мере 20 миллионов американских рабочих «находятся в состоянии постоянной бедности или хуже, чем бедности», что миллионы мужчин и женщин в США обречены «жить в нищете всю свою жизнь». Д. Мини заявил, что положение низкооплачиваемых рабочих не улучшается, а, наоборот, ухудшается. «Это не такой случай,— сказал Д. Мини,— когда время исправляет положение. Время только ухудшило дело, и сильно ухудшило»¹⁰⁸. Еще тяжелей положение обширной армии безработных. Такова судьба рабочего в Соединенных Штатах Америки — самой богатой стране капиталистического мира!

Характер капиталистической эксплуатации еще более, чем при феодализме, требует применения против трудящихся масс не только мер принуждения, но также и мер идеологического воздействия. На страже капиталистических порядков стоит буржуазное государство, являющееся в руках господствующих классов машиной для подавления сопротивления народных масс. Защитником капиталистических порядков является буржуазное право, в частности антирабочее законодательство. Но одних мер принуждения не достаточно для удержания власти в руках буржуазии. Нужны также еще и мероприятия идеологического порядка. Одним из таких мероприятий является распространение религиозной идеологии, призванной в условиях капитализма укреплять капиталистические порядки.

И нужно сказать, религиозная идеология весьма недвусмысленно выполняет эту задачу. Еще в 1891 г. папа Лев XIII писал, что «устранить из мира социальное

---

¹⁰⁸ «Правда», 19 марта 1960 г.

неравенство невозможно»¹⁰⁹. «История всех времен учит нас,— писал в ноябре 1939 г. Пий XII,— что всегда были бедные и богатые, что всегда будут бедные и богатые — вот вывод, который мы делаем из неизменных отличительных черт человеческой природы»¹¹⁰. В то же время Ватикан и другие религиозные организации капиталистических стран выступают с решительными осуждениями коммунизма. В 1949 г. Пий XII отлучил от церкви всех лиц, придерживающихся учения научного коммунизма и поддерживающих Коммунистическую партию. В апреле 1959 г. папа Иоанн XXIII издал декрет такого же содержания, подтвердив неизменность антикоммунистической политики Ватикана.

Капиталистические общественные отношения, являясь отношениями эксплуатации, отношениями господства и подчинения, так же как и производственные отношения докапиталистических классово антагонистических формаций, являются социальным источником религиозной идеологии. Капиталистические производственные отношения как *социальный источник религии* имеют ряд сходных черт с производственными отношениями феодализма. При феодализме крепостной крестьянин находится в личной зависимости от помещика. При капитализме наемный рабочий свободен от личной зависимости, но для того, чтобы иметь средства существования, должен продавать свою рабочую силу, что приковывает его к капиталистическому предприятию. Правда, рабочий может менять своего хозяина, переходя с одного предприятия на другое, он может более выгодно продать свою рабочую силу, но существование капиталистической эксплуатации от этого не меняется. Кроме того, в условиях хронической безработицы переход с одного предприятия на другое является весьма затруднительным и рабочий фактически оказывается в зависимом положении от нанявшего его капиталиста. При капитализме, так же как и при феодализме, эксплуататор не может смотреть на эксплуатируемого работника

¹⁰⁹ Цитир. по кн.: «Правда о религии». М., 1959, стр. 317.

¹¹⁰ Цитир. по кн.: «Вопросы истории религии и атеизма», т. VII. М., 1959, стр. 83.

производства как на вещь, не может игнорировать в нем человека. Это делает возможной, более того, необходимой пропаганду религиозной идеологии со стороны господствующих, эксплуататорских классов (помещиков и капиталистов). Это дает, с другой стороны, возможность эксплуатируемым классам (крестьянам и рабочим) создавать или воспринимать религиозную идеологию в условиях жизни общества, основанного на эксплуатации человека человеком. Всем этим обусловлено то обстоятельство, что те религии, которые получили распространение при феодализме (например, христианство, буддизм, ислам), продолжают существовать также и в условиях капиталистического общества. Сходство (конечно, это сходство является относительным) производственных отношений феодального и капиталистического общества определило также сходство религиозной идеологии феодализма и капитализма. Если на грани рабовладельческого и феодального общества произошла подлинная религиозная революция, приведшая к созданию мировых религий, то на грани феодализма и капитализма такой революции не было. Религии, имевшие распространение при феодализме, после определенной модификации и появления новых разновидностей продолжают свое существование при капитализме.

Буржуазные историки религии истолковывают факт длительного существования христианства якобы присутствия этой религии высокими достоинствами. «Происходя от еврейского пророчествования, оно (христианство.— А. С.),— пишет С. Рейнак,— было выше его по своей простоте и по чистоте: именно эти качества обеспечили за ним победу и позволили ему просуществовать до наших дней»¹¹¹. Такой же точки зрения придерживается А. Мензис: «Тот, кто провозгласил ее (христианскую религию.— А. С.), должен пользоваться исключительным поклонением. Учение его никогда не погибнет»¹¹². «Множество преимуществ,— говорит о христианстве Ф. Brentano,— находятся так ясно перед глазами,

¹¹¹ С. Рейнак. Орфей, стр. 132.

¹¹² А. Мензис. История религии, стр. 315.

что можно было бы сразу утверждать несравнимое превосходство этой религии, если бы не было известно, что страсть в своей враждебности может сделать слепым против самого достоверного и выдающегося»¹¹³. Однако, как было показано выше, факт длительного существования христианства и других мировых религий объясняется не мнимыми достоинствами, якобы присущими этим религиям, а длительным существованием определенных экономических структур общества, длительным существованием определенных форм эксплуатации (феодальной и капиталистической).

Христианская религия являлась в свое время типичной религией феодального общества. Ныне она является религией, типичной для капиталистического общества. Для общества товаропроизводителей, говорит К. Маркс, «наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.»¹¹⁴.

Христианство по-прежнему является в руках господствующих классов идеологическим орудием для подавления сопротивления трудящихся и эксплуатируемых классов общества. Христианство по-прежнему проповедует необходимость существования классов, обосновывает необходимость эксплуатации человека человеком. Оно по-прежнему пропагандирует необходимость смирения и покорности угнетенных масс своим угнетателям. По-прежнему в христианской религии огромное значение имеет учение о потустороннем мире, о возмездии на том свете, учение об аде и рае. Как и прежде, это учение призвано запугивать народные массы возможным наказанием «на том свете» и в то же время утешать их будущим блаженством за терпеливое и покорное существование «на этом свете». Останавливаясь на вопросе о том, кому служит учение об аде в капиталистическом обществе, Р. Ингерсолл говорил: «Кого останавливает доктрина ада? Великого, богатого, сильного? Нет! Бедного, сла-

¹¹³ F. Brentano. Religion und Philosophie. Bern, 1954, S. 34.

¹¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 89

бого, презираемого. Слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы в ад попал человек, стоящий миллион долларов, который умер в Нью-Йорке, или человек с доходом в 25 тысяч долларов в год? Слыхали вы?.. Никогда. Джентльмены, рассуждающие о своих активах, говорят: «Ад не для меня, он для бедных. У меня есть все, что я хочу, а ад оставьте бедняку»¹¹⁵.

Религии капиталистического общества, так же как и религии феодального, имеют наднациональный характер. К тем причинам, которые вытекают из экономической структуры феодального общества и сохраняются благодаря экономической структуре капиталистического общества, присоединяются еще и такие факторы, как рост при капитализме торговых связей между различными странами, развитие других форм общения, а также космополитизм мировоззрения буржуазии.

Христианство и при капитализме продолжает сохранять свою монотеистическую форму. Монотеизм является последней фазой религиозного развития. Переход от политеизма к монотеизму, как отмечалось выше, совершается в основном в процессе перехода общества от рабства к феодализму. Монотеистическая форма религии (во главе земных и неземных сил стоит всевидящий и всемогущий бог) вполне соответствует ее содержанию как религии, призванной идеологически укреплять эксплуатацию человека человеком. Кроме того, в условиях капиталистического общества с его высоким уровнем развития науки становится невозможным представление о многих богах, имеющих антропоморфный характер. Наиболее удобной для капитализма религией является монотеизм, религия, которая представляет бога как единую сверхъестественную силу, все более приобретающую абстрактный характер.

Но у религиозной идеологии эпохи капитализма имеются свои особенности по сравнению с периодом феодализма. Религиозная идеология играет гораздо меньшую роль в жизни капиталистического обще-

---

¹¹⁵ Цитир. по кн.: «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. III, стр. 164.

ства. Этот факт с горечью отмечают как буржуазные статистики, так и церковные деятели капиталистических стран. Так, директор Баварского статистического управления д-р Конрад Кригер пишет, что безразличие к религии и тяга к материализму наносят христианству ощутимые потери. К. Кригер говорит, что в США около 65 миллионов человек не связаны ни с какой религиозной организацией и, следовательно, с точки зрения принадлежности к церкви, они, по его мнению, должны быть охарактеризованы как неверующие¹¹⁶. Подобная картина наблюдается и в других капиталистических странах. Французский клерикал Даниель Ропс пишет по этому поводу: «Статистика... показывает огромные районы земли, где человек живет так, как если бы бог в действительности умер, и даже в странах, где атеизм не превратился еще в официальную догму, целые социальные классы живут так, как будто проблема бога не существует»¹¹⁷. Даже папа Пий XI еще в 1932 г. выступил с весьма характерным признанием, что «атеизм уже проник в широкие народные массы.., что он неутомимо работает»¹¹⁸.

Долгое время самой популярной книгой в мире была библия. Однако она все более теряет свое влияние на умы людей. В настоящее время она даже количественно, не говоря уже об идеологическом воздействии, уступает произведениям В. И. Ленина, которые переводятся на различные языки больше, чем библия.

Упадок религиозности в современном капиталистическом мире не беспричинен. Как будет показано ниже, общественная практика в период развития капиталистического общества становится критерием для правильной оценки религиозной идеологии народными массами. Это является важнейшим условием ослабления религиозной идеологии, роста атеизма в среде рабочего класса. Если феодальное общество было основано на

---

¹¹⁶ К. К r i e g e r. Weltbevölkerung und Weltreligionen. «Studium generale», 1959, Jg. 12, Hf. 6, S. 369.

¹¹⁷ Цитир. по кн.: «Вопросы истории религии и атеизма», т. VII, стр. 53.

¹¹⁸ Цитир. по кн.: «Правда о религии». М., 1959, стр. 398.

все еще низком уровне производительных сил, в силу чего феодальное производство, будучи рутинным и косным, осуществляясь трудом распыленных, мелких производителей, темных и забитых, было лишь в слабой степени связано с наукой, то капиталистическое производство уже не может обойтись без науки. Сами капиталисты заинтересованы в том, чтобы рабочие в процессе производства руководствовались не положениями религии, а данными науки и техники. Развитие капитализма в деревне влечет за собой те же последствия, что и развитие капитализма в городе. Капиталистическое развитие вообще немыслимо без применения открытий науки.

Чтобы выдержать конкуренцию, капиталист должен непрерывно совершенствовать процесс производства, что невозможно без применения данных науки и техники. Начиная с эпохи Возрождения, происходит непрерывное и быстрое развитие науки. Если идеологи феодального общества отводили науке роль служанки теологии, то современные богословы довольствуются разграничением сфер применения науки и религии, «сосуществованием» между ними.

Развитие науки неизбежно теснит религию, ослабляет влияние религиозной идеологии.

Но в условиях капитализма никогда не будет возможно преодоление религиозного мировоззрения, поскольку капиталистическая эксплуатация, производственные отношения капиталистического общества вновь и вновь порождают религиозную идеологию. «Религиозное отражение действительного мира,— говорит К. Маркс,— может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для этого необходима определенная материальная основа общества

или ряд определенных материальных условий существования, которые представляют собой естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития»¹¹⁹. При капитализме еще нет этих материальных условий существования и общественные силы действуют стихийно, они не могут быть поняты широкими массами трудящихся и проявляют себя часто с колоссальной разрушительной силой. Поэтому, несмотря на то, что позиции религии и церкви уже не так сильны, как это было во времена феодализма, все же религия и церковь являются в капиталистическом мире серьезной силой. Этот факт наглядно иллюстрируется богатством церкви в капиталистических странах.

Это хорошо видно на примере католической церкви. Помимо доходов, которые она получает путем налогов и пожертвований верующих, церковь извлекает громадные прибыли за счет своей земельной собственности, собственности на фабрики, заводы, банки. Так, в Италии католической церкви принадлежит около 500 тыс. га земли, пригодной для ведения сельского хозяйства (не считая владений на леса и луга). В Испании и Португалии 6 млн. га, то есть в 12 раз больше. В этих странах почти 20 процентов всей обрабатываемой земли являются церковной собственностью. В США церковные владения охватывают площадь, превышающую 1,1 млн. га. Огромными земельными владениями располагает церковь в Латинской Америке. В Колумбии церковная собственность составляет почти 100 тыс. га, в Эквадоре — 20 тыс. га, Парагвае — 9 тыс. га, Перу — 70 тыс. га, Уругвае — 50 тыс. га, Бразилии — свыше 1 млн. га, в Боливии — 100 тыс. га. 350 тыс. га принадлежат церкви в Западной Германии.

Однако церковь не только помещик, она — крупнейший капиталист, могущественный финансовый магнат. Количество акций Ватикана в настоящее время оценивается цифрой 12 млрд. долларов¹²⁰. Эти данные гово-

¹¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 90.

¹²⁰ G. Heyden, H. Ullrich. Im Namen Gottes. Berlin, 1959 S. 138—139.

рят о том, что церковь в капиталистических странах продолжает играть существенную роль.

В религиях эпохи феодализма олицетворение сил природы, хотя и отступает на задний план, все же продолжает занимать значительное место. Это обусловлено тем, что уровень производительных сил феодального общества все еще продолжает оставаться довольно низким. Производительные силы капиталистического общества позволяют в значительной степени овладеть силами природы. Народные массы при капитализме неизмеримо более зависят от сил общества, чем от сил природы. В связи с этим олицетворение сил общества занимает в религиях периода капитализма господствующее положение. То, как религия защищает капиталистические порядки, было показано выше. Особенно большое место в религиях капиталистического общества в настоящее время занимает учение о нормах поведения. На современном этапе религия теснейшим образом соединяется с буржуазной моралью, призванной укреплять капиталистический строй. Буржуазная мораль, облаченная в религиозную форму, становится важнейшей составной частью религиозной идеологии. И это не случайно. Еще при феодализме мораль занимала значительное место в религии, например в христианстве. Освящая мораль господствующего класса, проповедуя нормы поведения, выгодные господствующим классам как якобы данные богом, религия старалась направить поведение народных масс в определенное русло. При капитализме, когда олицетворение природных сил занимает небольшое место в религии, проповедь морали господствующего класса выступает в более чистом виде. Факт наполнения религиозной идеологии нормами морали является общепризнанным в буржуазной социологии и истории религии (правда, эта мораль трактуется ими не как буржуазная, а как общечеловеческая).

Вот что говорится о божественном характере морали в одной из работ буржуазных идеологов: «Человек настоятельно нуждается в твердом духовном руководстве высокого морального учения, которое в состоянии возбудить в нем добро, так что он учится жить по

тем законам, которые даны нам как дар потустороннего мира этому,.. вечным божественным законам»¹²¹

Подобным образом буржуазные социологи обосновывают необходимость сочетания религии и морали, необходимость пропаганды религией норм буржуазной морали.

Если в эпоху феодализма религиозная идеология была единственным средством духовного закабаления масс, то при капитализме большое значение приобретают также и другие способы идеологического воздействия на трудящихся (при помощи различных политических, этических, философских и прочих «учений»).

Таким образом, общественные отношения капиталистического общества, отношения господства и эксплуатации являются социальным источником религиозной идеологии. Общественные отношения капитализма определяют основные черты религиозной идеологии на данном этапе ее развития:

1. Религия продолжает играть значительную роль в жизни капиталистического общества. Однако религия при капитализме играет гораздо менее значительную роль в жизни общества, чем при феодализме, потому что общественная практика достигает уровня, позволяющего ей стать критерием правильной оценки религиозной идеологии народными массами, а также потому, что наука является необходимым элементом развития капиталистического производства. На последних этапах капитализма атеизм из мировоззрения одиночек становится мировоззрением масс, хотя религия не может быть преодолена в рамках капитализма.

2. Религии феодального общества (христианство, буддизм, ислам и другие) являются также религиями и капиталистического общества.

3. Религия, как и прежде, проповедует необходимость существования классов и необходимость эксплуатации человека человеком, проповедует смирение и покорность народных масс по отношению к господствующим классам.

---

¹²¹ V. C. A r l a n d. Die ewigen Geheimnisse. Bűdingen, 1956, S. 35.

4. Олицетворение сил природы занимает незначительное место в религиях развитого капиталистического общества. В религии почти безраздельное господство получает олицетворение сил общества.

5. Учение о потустороннем мире, моральном возмездии, аде и рае продолжает занимать в религии важное место. Религия еще тесней связывается с моралью господствующего класса.

6. Религия сохраняет свой наднациональный характер.

7. Типичной формой религий капиталистического общества продолжает оставаться монотеизм.

4. Коммунистическое общество и религия

Единственной формацией, где социальные корни религии основательно подрываются, а затем и вовсе уничтожаются, является коммунизм.

Уже на низшей его фазе — при социализме — осуществляются такие достижения во всех областях жизни общества, в области экономики, политики, науки и культуры, которые наносят религии сокрушительный удар. Кончается предыстория общества и начинается его подлинная история, которая несовместима с темнотой и предрассудками масс. В социалистическом обществе устраняются те основные социальные факторы, которые питают религию в капиталистическом обществе.

Но при социализме религия, как известно, все же еще существует; причины существования религии еще не полностью ликвидированы. Однако они постепенно изживаются вместе с продвижением общества вперед — по пути социализма и коммунизма. Развернутое строительство коммунистического общества создает условия для окончательного преодоления религиозной идеологии.

Только коммунистическое общество дает возможность человеку осуществить свое господство над природой. Как говорил Ф. Энгельс, люди впервые становятся действительными и сознательными повелителями при-

роды, когда они становятся господами своей обобществленной жизни¹²². Социалистические страны добились таких высоких темпов роста производства, о каких не может мечтать ни одно капиталистическое государство мира. Социалистические производственные отношения дают простор для развития производительных сил. Планомерное развитие производства дает возможность не только познания закономерностей природы, но и наиболее рационального их использования на благо человека. В условиях социалистического общества технический прогресс совершается не в интересах отдельных групп людей, а в интересах всего общества, поэтому он осуществляется во всех областях производства, сберегая труд и улучшая условия труда.

Важнейшая производительная сила социалистического общества — рабочий класс является по существу новым классом, навсегда ликвидировавшим эксплуатацию человека человеком, обобществившим средства производства и направляющим общество по пути социализма. Крестьянство в условиях социалистического общества также коренным образом отличается от того крестьянства, которое в условиях капиталистического развития является распыленным, характеризуется малой производительностью труда, эксплуатируется капиталистическим городом и в массе своей обречено на разорение. Крестьянство в социалистическом обществе является союзником рабочего класса, осуществляет социалистическое производство. Социалистический путь развития деревни таит в себе огромные возможности. Интеллигенция социалистического общества неразрывно связана с народом.

Нельзя, конечно, считать, что на стадии социализма уже достигнута ступень полного господства человека над природой. Здесь еще нет полной гарантии от таких стихийных бедствий, как, например, засуха, наводнения и т. д. Это в известной мере затрудняет преодоление религиозных предрассудков. Кроме того, известно, что фронт капитализма был впервые прорван в стране,

---

¹²² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 267.

сравнительно отсталой в экономическом отношении. То, что в других странах было проделано капитализмом, в нашей стране зачастую приходилось осуществлять советской власти. Это относится также и к развитию производительных сил общества, находившихся в царской России на значительно более низкой ступени развития, чем в передовых капиталистических странах.

Однако непрерывно растущее социалистическое производство на практике доказывает, что общество способно овладеть силами природы с помощью науки и техники, вселяет в человека чувство уверенности в свои возможности. На это указывают, в частности, люди, порвавшие с религией. Например, В. Е. Сошников, касаясь причин своего отхода от религии, пишет следующее: «Окончательно подорвали мою веру в бога последние достижения науки и техники. Это сооружение атомной электростанции, запуск баллистической ракеты искусственных спутников Земли и, наконец, космических ракет. Теперь я не верю ни в бога, ни в черта, ни в какие другие сверхъестественные силы»¹²³. Таким образом, развитие социалистического производства является в то же время важным фактором постепенного отмирания религии.

Основой производственных отношений коммунистического общества (в том числе и его низшей фазы — социализма) является общественная собственность на средства производства.

Социализм породил между людьми принципиально новые общественные отношения, которых до сих пор не знала история общества. В социалистическом обществе нет эксплуатации человека человеком, отсутствуют отношения господства и угнетения. На базе общественной собственности вырастают отношения взаимопомощи и сотрудничества членов общества в процессе совместного труда, ибо они глубоко заинтересованы в развитии социалистического производства.

Социалистическое общество осуществляет значительный подъем культурного уровня и материального благо-

---

¹²³ Сб. «Мы были баптистами». М., 1960, стр. 42.

состояния народных масс. Имеющиеся еще в этой области трудности в ряде случаев могут затруднять преодоление религиозных предрассудков среди некоторых слоев населения при социализме (особенно на ранних этапах его развития и прежде всего в странах, получивших в наследство от капитализма низкий уровень производства). Однако эти трудности постепенно преодолеваются в связи с ростом социалистического производства и культуры. Это способствует и будет впредь способствовать постепенному отмиранию религиозной идеологии, которая еще сохранилась у некоторой части граждан нашей страны.

В результате социалистической революции и победы социалистической системы хозяйства ликвидируются все эксплуататорские классы: помещики, капиталисты, кулачество. В стране победившего социализма нет классов, заинтересованных в сохранении и распространении религии; нет также и антагонистических классов. Между рабочим классом и крестьянством существуют отношения дружбы. Внутри страны нет почвы для классовой борьбы и классового гнета. Следовательно, закрыт и этот социальный источник религиозной идеологии.

Но социалистическая система в настоящее время не является единственной мировой системой. Наряду с ней существует капиталистическая система. Противоречия между страной социализма и странами капитализма являются проявлением классовой борьбы. Существование капиталистической системы оказывает серьезное влияние на оживление религиозных предрассудков. Это влияние не ограничивается лишь идеологическим воздействием. Империалистические державы организовали в свое время военную интервенцию против Советской России, способствовали развязыванию гражданской войны. В 1941 г. в результате нападения гитлеровской Германии народы Советского Союза оказались втянутыми во вторую мировую войну, причинившую огромный ущерб советскому государству. События военных лет способствовали оживлению религиозной идеологии, толкнули менее стойкую часть трудящихся к религии. Не только сама война, но также и угроза войны способ-

ствуется в известной мере оживлению религиозной идеологии. Поэтому, наряду с миролюбивой внешней политикой Советского государства, особо важное значение в этом отношении приобретает положение об отсутствии фатальной неизбежности войн на современном этапе, выдвинутое XX съездом Коммунистической партии Советского Союза. Кроме того, влияние капиталистической системы является временным и преходящим. Оно ослабевает вместе с отпадением отдельных стран от системы капитализма и вступлением их на социалистический путь развития, вместе с ростом и укреплением мировой социалистической системы хозяйства, вместе с дальнейшим развитием рабочего и национально-освободительного движения, крушением колониальной системы.

В противоположность классово антагонистическим обществам, где господствующая идеология во всех ее формах поддерживает и питает религию, социалистическая идеология ведет активную борьбу против религии. Воспитание трудящихся в духе социалистической идеологии является важным фактором преодоления религии. Воспитанные народом, партией, комсомолом советские люди проявляют твердость духа в самых трудных условиях, не нуждаясь в религиозном утешении. Типичным примером этому может служить мужественное поведение четырех советских солдат, которые в штормовую погоду в течение 49 суток дрейфовали в Тихом океане. После их спасения один из американских журналистов спросил: «Вы молились во время шторма?» На это младший сержант А. Зиганшин не без иронии ответил ему: «Да, мы молились и даже «священник» у нас свой был, рядовой Иван Федотов. Это он нам рассказывал о челюскинцах, об Алексее Маресьеве, Иване Папанине, о героях Брестской крепости»¹²⁴.

Напротив, сохранению религиозных предрассудков в социалистическом обществе способствуют другие пережитки капитализма, еще имеющие место в жизни социалистического общества. Буржуазные пережитки в области отношений между людьми, в быту и сознании — частно-

¹²⁴ «Правда», 19 марта 1960 г.

собственническая психология, индивидуализм и т. д.— часто оказывают серьезное влияние на сохранение пережитков религии в социалистическом обществе. Известно, например, что церковники и сектанты легче завоевывают на свою сторону людей, не принимающих активного участия в жизни социалистического общества, в социалистическом и коммунистическом строительстве, людей, слабо связанных с коллективом, испытывающих чувство одиночества. Бывший священник, кандидат богословия П. Ф. Дарманский, в настоящее время отошедший от религии и церкви, вспоминая о тех причинах, которые сделали его религиозным, пишет в своих воспоминаниях: «Неудача с поступлением в мореходное училище, неурожайный год, замкнутость, одиночество с новой силой вызвали во мне религиозные чувства, веру в бога, надежды на его помощь»¹²⁵. Изучение сектантских общин в СССР показывает, что секты состоят преимущественно из единоличников, кустарей, неработающих домовладельцев, т. е. лиц, не связанных с социалистическим производством и, следовательно, дольше сохраняющих в своем сознании различные пережитки капитализма.

Поэтому привлечение этих людей к участию в общественном труде, борьба, проводимая против всякого рода пережитков капитализма, способствуют отмиранию религиозной идеологии.

Религия продолжает свое существование в значительной мере вследствие того, что сознание людей отстает от их бытия, что традиция является великой консервативной силой истории. Необходимо отметить, что срок существования социалистического бытия в нашей стране является весьма коротким. В переходный период от капитализма к социализму еще сохранялись капиталистические элементы, следовательно, сохранялись, правда в ограниченной мере, отношения эксплуатации, существовавшие в городе и деревне. Социалистические производственные отношения получили безраздельное господство в нашей стране лишь с 30-х годов, после ликвидации

¹²⁵ Сб. «Почему мы порвали с религией» М., 1959, стр. 21.

последнего эксплуататорского класса — кулачества. Лишь к середине 30-х годов, т. е. более двадцати лет тому назад, в СССР было построено в основном социалистическое общество. Если учесть, что четыре года из периода завершения социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму приходится на Великую Отечественную войну и несколько послевоенных лет — на восстановление серьезно пострадавшего в период войны народного хозяйства, то становятся особенно очевидными успехи, достигнутые в борьбе против религиозной идеологии, имевшей широкое распространение среди народных масс царской России.

В настоящее время некоторые научные учреждения Советского Союза проводят изучение состояния религиозных верований в нашей стране. Летом 1959 г. в Тамбовской области работала экспедиция Института истории АН СССР под руководством А. И. Клибанова, изучавшая религиозное сектантство. Материалы, собранные экспедицией, позволяют сделать вывод о значительном сокращении числа членов сектантских общин за годы Советской власти. В с. Рассказово и Рассказовской волости в 1915 г. насчитывалось 4673 молоканина и субботника. В настоящее время в г. Рассказово и Рассказовском районе проживает лишь около 100 молокан и субботников. В г. Мичуринске (б. Козлове) молоканская секта сократилась за это время с 600 до 30 человек. В 1915 г. в с. Кирсанове и Кирсановском уезде было 716 молокан, 67 баптистов, 316 хлыстов, 19 адвентистов, 163 старообрядца. В настоящее время в г. Кирсанове и Кирсановском районе имеется лишь 40 баптистов и совершенно нет молокан, хлыстов, старообрядцев и адвентистов. Число баптистов в Тамбовской области снизилось с 2500 до 700¹²⁶.

Комплексная экспедиция Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, работавшая в сельских местностях Калининской, Костромской, Горьковской и Ярославской областей, получила данные, которые позволяют ее участникам сделать следующий

¹²⁶ Л. Н. Митрохин. Изучение сектантства в Тамбовской области. «Вопросы философии», 1960, № 1, стр. 144

вывод: «В современной деревне значительная часть колхозников придерживается атеистических взглядов. Имеются целые деревни и поселки, о которых можно сказать, что население их в общем свободно от религиозного влияния... Тенденция к полному искоренению религиозности является характерной чертой нашей советской деревни»¹²⁷.

Необходимо подчеркнуть, что религиозность в нашей стране значительно ниже в тех районах, в которых уже давно осуществляется строительство социализма, чем в тех, которые сравнительно недавно вошли в состав Советского государства. Так, на Украине, как об этом свидетельствуют материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. и данные регистрации религиозных учреждений советскими государственными органами, религиозные организации расположены неравномерно. В Днепропетровской, Запорожской, Луганской, Сталинской, Харьковской и некоторых других областях одно религиозное учреждение приходится на 6—9 тыс. населения, а в западных областях Украины на 2 тыс.¹²⁸

Религиозная идеология, которая продолжает жить в сознании определенной части советских граждан, осталась в наследство от капиталистического строя, ликвидированного в ходе социалистической революции. Правда, в условиях социалистического общества религия несколько изменила свой вид, приспособившись к новой обстановке. В условиях победы социалистического строя, в обстановке морально-политического единства советского народа, религия не может, разумеется, проповедовать эксплуатацию человека человеком. Вместе с тем уничтожена та социальная база в лице эксплуататорских классов, на которую опиралась церковь. Вместе с уничтожением эксплуататорских классов церковь постепенно утратила свое значение орудия классового

---

¹²⁷ Л. Пушкарева, Г. Снесарев, М. Шмелева. Религиозно-бытовые пережитки и пути их преодоления «Коммунист», 1960, № 8, стр. 86

¹²⁸ В. К. Танчер. О причинах существования религиозных пережитков в СССР. «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1959, № 4, стр. 55—56.

угнетения и перешла на позиции лояльного отношения к советской власти. Положение церкви в условиях победившего социализма существенно отличается от ее положения в эксплуататорском обществе.

Это, конечно, не значит, что при социализме религия, утратившая свою классово эксплуататорскую направленность, становится идеологией, в какой-то мере приближающейся к социалистической. Социалистическая идеология опирается на науку, в то время как религия является антинаучной идеологией, не имеющей с наукой ничего общего. И в условиях социализма религия продолжает затемнять сознание человека, внушает ему надежду на помощь свыше, сковывает его творческую инициативу. Поэтому Коммунистическая партия последовательно ведет борьбу против религиозной идеологии. Религия в нашей стране постепенно преодолевается в процессе направленной против нее активной научно-атеистической пропаганды, противопоставляющей религиозным догмам данные науки. Чем глубже и всестороннее будет вестись борьба против религиозных предрассудков, тем быстрее наше общество полностью изживет остатки религиозной идеологии.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ РЕЛИГИИ

В предыдущей главе были рассмотрены социальные корни религии. Но причины существования религии имеют и другую сторону — гносеологическую. Выше уже говорилось, что социальные и гносеологические корни религии составляют единство. Гносеологические корни религии не существуют независимо от социальных, они, если можно так выразиться, «переплетаются» с ними. Это значит, что при определенных условиях, под влиянием определенных социальных факторов те или иные элементы сознания являются иногда источником религии.

Таким образом, причины существования религии имеют не только социальный, но и гносеологический аспект. В деятельности человеческого сознания под влиянием условий материальной жизни могут возникнуть возможности неправильного, извращенного отражения действительности.

Это не значит, конечно, что существуют два типа мышления: правильное, или логическое, и неправильное, или пралогическое. На точке зрения такого деления стоял, например, французский буржуазный социолог Л. Леви-Брюль, считавший, что первобытное мышление мистично и пралогично, мышление же современного цивилизованного человека является логическим мышлением. Леви-Брюль считал, что между мышлением первобытного человека, изучаемого этнографией, и мышлением цивилизованного человека существует принципиальная разница, имеющая качественный характер. Выдвигая свое учение о двух типах мышления, Леви-Брюль писал о «первобытном мышлении»: «Оно совершенно иначе

ориентировано. Его процессы протекают совершенно иным путем»¹.

В действительности нет и не может быть двух различных типов человеческого мышления, двух типов законов человеческого мышления. Сознание является одним из свойств движущейся материи. Являясь вторичным по отношению к материи, оно отражает объективно существующую действительность. Человеческое сознание призвано давать достоверные сведения об окружающем мире, познавать законы объективного мира с тем, чтобы в дальнейшем человек мог использовать эти знания в своих практических интересах. Какую роль, кроме отрицательной, могло бы играть в жизни человека это так называемое пралогическое мышление? Оно было бы способно лишь дезориентировать человека в его практической деятельности, обезоружить его в практической жизни. Человека с таким мышлением никогда не существовало, да и не могло существовать. Леви-Брюль считает, что пралогический характер мышления определяет насквозь мистический характер идей, взглядов первобытного общества. Ниже будет показано, насколько такой взгляд не согласуется с действительностью.

В силу того, что материальное является основой идеального, первичным по отношению к идеальному, было бы неправильно безусловное и чрезмерное противопоставление идеального материальному. Если абсолютно противопоставлять сознание бытию, то в таком случае, указывает Энгельс, «должно показаться чрезвычайно удивительным то обстоятельство, что сознание и природа, мышление и бытие, законы мышления и законы природы до такой степени согласуются между собой»². Мышление подчиняется тем же общим законам, что и сама объективная действительность. Своеобразие мышления относительно объективной действительности заключается в том, что оно отражает объективную действительность. Поэтому мышление обладает не только общими с объективной действительностью, но и своими!

¹ Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление. [М., 1930], стр. 4

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 34.

собственными, специфическими законами, благодаря которым действительность отражается в сознании. Законы мышления — это законы отражения объективной действительности в сознании человека.

Искажение объективной действительности в религии объясняется не тем, что существует особый тип пралогического мышления с присущей ему характерной особенностью — извращенно отражать объективную действительность, а тем, что мышление осуществляется в определенных условиях.

Условия материальной жизни определяют характер отражения материальной жизни. Они могут приводить к искаженному отражению действительности. Но они никогда не приводят к созданию особого типа мышления, сама природа которого не дает возможности адекватного отражения действительности. Они не приводят к созданию «различных мыслительных структур»³, призванных отражать действительность в прямо противоположных направлениях.

Религия является результатом деятельности мышления. Но она не является результатом деятельности какого-то особого «типа мышления» или особой «мыслительной структуры», характеризующихся особыми законами неадекватного отражения действительности. Гносеологические корни религии имеют своей основой живое, могучее, всесильное, осуществляющееся по определенным законам человеческое познание.

Нельзя сказать, что в процессе исторического развития мышление не претерпело никаких изменений. Но в процессе исторического развития не существовало различных типов мышления, несмотря на то, что мышление в ходе развития трудовой деятельности, практики не стояло на месте, изменялось. «Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий,— писал К. Маркс Л. Кугельману 11 июля 1868 г.,—сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени в зависимости от зрелости развития

³ Л. Левин-Брюль. Первобытное мышление, стр. 4.

и, в частности, развития органа мышления. Все остальное вздор»⁴.

Различные типы мышления не признавал и великий русский естествоиспытатель и мыслитель И. М. Сеченов: «Основные черты мыслительной деятельности человека и его способности чувствовать остаются неизменными в различные эпохи его исторического существования, не завися в то же время ни от расы, ни от географического положения, ни от степени культуры»⁵.

Учение о противоположности мышления первобытного человека мышлению современного человека, учение о двух типах мышления с неизбежностью приводит к расистским выводам о неполноценности мышления отставших в своем историческом развитии народностей.

Разрешение национального вопроса в СССР, в результате которого ранее отсталые народности нашей страны в короткий срок смогли ликвидировать свою отсталость в области экономики и культуры, полностью опровергает «учение» о существовании различных типов мышления.

Уже искусственное изготовление орудий труда первобытным человеком говорит о том, что у него существует логическое мышление, хотя уровень развития этого мышления еще невысок. С самого начала мышление развивалось как отражающее действительность логическое мышление. «Предполагать,—пишет крупнейший исследователь первобытной культуры, английский этнограф Э. Тайлор,— что законы умственного развития были различны в Австралии и Англии, во времена пещерных обитателей и во времена строителей домов из железа, несколько не основательнее, чем предполагать, что законы химических соединений во времена каменноугольной формации были другие, чем в наше время»⁶.

Религия является результатом деятельности не пра-логического мышления, ибо такого мышления никогда

---

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма [М], 1953, стр. 209.

⁵ И. М. Сеченов. Избранные произведения, т. I. [М.], 1952, стр. 173.

⁶ Э. Тайлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 92.

не существовало; она является результатом деятельности логического мышления. Логическое мышление человека современного капиталистического общества не только мирится с религией, но и порождает ее вновь в самых утонченных формах. Следовательно, эта вымышленная пралогичность мышления не имеет отношения к созданию религиозных представлений, взглядов, идей. Напротив, создание религии предполагает деятельность именно логического мышления: его активность, способность оперировать абстрактными понятиями, участие воображения и эмоций, деятельность которых опять-таки теснейшим образом связана с деятельностью логического мышления.

Таким образом, деятельность не пралогического, а именно логического мышления порождает религию.

Более того, возникновение религии предполагает довольно высокую степень развития человеческого мышления, развития его активности, способности к абстрагированию, развития воображения и т. д.

Ниже мы остановимся на деятельности отдельных сторон человеческого мышления, которые в своей совокупности при определенных условиях приводят в конечном счете к возникновению религии.

1. Активность сознания и религия

Характерной чертой человеческого сознания является его активность, обусловленная активным характером материального воздействия человека на окружающую его действительность. Активность сознания проявляется в целенаправленном и осмысленном характере отражения действительности и в переработке человеческим мышлением чувственного материала, полученного из окружающей действительности при помощи органов чувств.

Признание идеального существующим и развивающимся помимо и независимо от человека и человечества есть объективный идеализм. Диалектический материализм в полном соответствии с естествознанием показал, что идеальное есть продукт высокоорганизованной материи — человеческого мозга. Отвергая идеализм, марк-

сизм отвергает и уродливую реакцию на него — вульгарный материализм. Если идеализм превращает идеальное в независимую от материального и предшествующую материальному основу действительности, то вульгарный материализм сводит идеальное к материальному, отождествляет их. Он не видит специфики идеального.

Критикуя вульгарно-материалистические ошибки немецкого марксиста И. Дицгена, В. И. Ленин писал: «Что и мысль и материя «действительны», т. е. существуют, это верно. Но назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом»⁷. Сознание не только не есть бытие, но оно не является также и простым зеркалом бытия, пассивно отражающим бытие. Мышление имеет свои специфические законы. Как указывал К. Маркс, «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и *преобразованное* в ней»⁸ (Курсив наш.— А. С.).

Активность сознания позволяет человеку правильно и всесторонне объяснять окружающий мир, намечать пути его изменения.

Но благодаря активному характеру человеческого сознания становится возможным отлет мысли от действительности. Этот отлет в определенных социальных условиях может явиться гносеологическим источником религии.

Отражение действительности начинается с живого созерцания (чувственная ступень познания). Формами живого созерцания являются ощущение, восприятие, представление. Живое созерцание непосредственно связывает человека с действительностью. Но процесс отражения действительности не ограничивается живым созерцанием: от живого созерцания он развивается дальше, к абстрактному мышлению (рациональная ступень познания). Происходит скачок в процессе познания.

На чувственной ступени познания происходит отражение отдельных предметов и явлений действительности

⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 231.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 21

Общее отражается лишь постольку, поскольку оно присуще этим отдельным предметам и явлениям. На рациональной ступени происходит отделение общего от отдельного, выделение того общего, что свойственно этим отдельным предметам и явлениям. Если живое созерцание обнаруживает явления, то абстрактное мышление вскрывает самую сущность предметов и явлений действительности.

Но чувственная и рациональная ступени познания не могут рассматриваться как независимые и обособленные друг от друга. Процесс познания осуществляется как единство живого созерцания и абстрактного мышления.

Активность процесса познания проявляется уже на стадии живого созерцания. Действительность отражается активно уже в ощущениях. Это проявляется в том, что действительность отражается не в процессе пассивного созерцания, а в процессе активного воздействия на мир, в процессе практики. Процесс восприятия действительности может быть правильно понят лишь в том случае, если исходить из единства чувственной и рациональной ступеней познания, из единства созерцания и мышления. Физиологической основой этого единства является открытое И. П. Павловым единство первой и второй сигнальных систем действительности. Первая сигнальная система действительности воспринимается высшей нервной деятельностью как человека, так и животных. В данном случае сигналы исходят от действительности непосредственно — в виде звуков, запахов и т. д. Вторая сигнальная система действительности связана лишь с психикой человека: сигналом в данном случае служит слово. Если живое созерцание связано с первой сигнальной системой, то абстрактное мышление связано со второй сигнальной системой. Вторая сигнальная система действительности является ведущей во взаимодействии этих двух систем сигналов. Вторая сигнальная система, свойственная лишь человеку, является ведущим элементом всей его высшей нервной деятельности. Физиологической основой единства двух ступеней познания действительности является также деятельность анализаторов (органов чувств), которые, как указывал И. П. Пав-

лов, являются сложными нервными механизмами, начинающимися наружным воспринимающим аппаратом и кончающимися в мозгу⁹.

Процесс осознания действительности начинается с непосредственно отражающей действительность чувственной ступени. Религия также не создается «из ничего»: являясь превратным осознанием действительности, она исходит, тем не менее, из того чувственного материала, который получен человеком от восприятия действительности. Этот чувственный материал подвергается затем извращению в ходе дальнейшей деятельности человеческого сознания.

Уже некоторые мыслители древности отмечали, что боги, признаваемые различными религиями, имеют сходство с представителями тех народностей, которые этих богов почитают. Древнегреческий философ Ксенофан говорил, что эфиопы считают своих богов курносыми и черными, а фракияне голубоглазыми и рыжеватыми. В своих «Философских тетрадах» В. И. Ленин приводит следующее рассуждение Ксенофана: «Если бы быки и львы имели руки, чтобы, подобно людям, создавать произведения искусства, то они также стали бы изображать богов и придавать им такие же формы тел, какими обладают сами»¹⁰. По поводу этой мысли Ксенофана В. И. Ленин замечает: «боги по образу человека».

Подобные доказательства земного происхождения религии можно встретить также у материалистов нового времени. Р. Ингерсолл писал по этому поводу: «Негры представляют своего бога с черной кожей и с курчавыми волосами; монголы придают своему богу желтый оттенок и темные миндалевидные глаза. Если бы у евреев было разрешено изображать бога, мы бы увидели Ягве с густой бородой, овальным лицом и орлиным носом. Зевс был настоящий грек, а Юпитер выглядел как член римского сената»¹¹.

⁹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 1. М — Л., 1951, стр. 122.

¹⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 250.

¹¹ Цитир. по кн.: «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. III, стр. 163

Различные понятия, идеи, взгляды возникают на базе чувственного материала, накопленного в процессе живого созерцания. Но после своего возникновения они оказывают обратное воздействие на процесс живого созерцания.

Поэтому само восприятие действительности может быть неправильным. Люди, зависящие в своей практической деятельности от сил природы и общества, бессильные перед ними и придавленные ими, в значительной мере искаженно воспринимают действительность. Вот один из примеров: «Когда колдун, желая отделаться от врага, грозит, что превратится в тигра и растерзает всех его соплеменников, он тогда только начинает рычать, когда находится уже на некотором расстоянии от соседей, но чтобы последние все-таки слышали это мнимое рычание. «Смотрите,—вопят они,—все его тело уже начинает покрываться тигровыми пятнами». «Видите, как растут его ногти!» — восклицают пораженные ужасом женщины, хотя они даже не в состоянии видеть обманщика, спрятавшегося в своей палатке: страх представляет их смущенному взору явления, не существующие в действительности»¹².

Религиозные идеи активно воздействуют на процесс восприятия действительности. Религиозное мировоззрение серьезно затрудняет правильное восприятие действительности. Религиозный человек воспринимает мир определенным образом, всюду стараясь найти подтверждение своего мировоззрения. На этой почве возникают видения так называемых блаженных, святых и т. д., за исключением тех «видений», которые являются результатом сознательного обмана. Видения были широко распространены среди отсталых народностей, находившихся на стадии первобытного общества, что было отмечено многими этнографами. Вот что рассказывает, например, советский этнограф Л. Я. Штернберг: «Разве ты не видишь,—говорил однажды пишущему эти строки гиляк, указывая на полную луну,—разве ты не видишь на ней гиляка с седой бородой?»... Другой гиляк, при-

¹² Э. Тайлор. Первобытная культура, стр. 220

существовавший при этом, указывал мне и на девушку, спускавшуюся к колодцу с ведрами за водой. И оба крайне удивились, когда я, несмотря на все напряжение зрения, все-таки ничего не видел... Точно так же видит чукча на закате или во время северного сияния своего соплеменника в сверкающей одежде во главе огромного стада золотистых оленей и считает его хозяином солнца...»¹³.

В период разгула ведовских процессов в средневековой Европе не только судьи, но часто и сами обвиняемые были уверены в возможности человека общаться с «нечистой силой».

Таким образом, извращенное осознание действительности имеет одной из гносеологических предпосылок извращенное восприятие действительности. В свою очередь, извращенное осознание действительности содействует ее извращенному восприятию.

Проявлением активности человеческого мышления является воображение (фантазия). В процессе воображения на базе предшествующих восприятий, а также на базе уже ранее созданных образов и идей возникают новые образы и идеи. Оценивая роль воображения в процессе познания, В. И. Ленин указывал, что «и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее... *есть* известный кусочек **фантазии**»¹⁴. Фантазия является неотъемлемым свойством человеческого мышления.

Воображение помогает человеку предвидеть будущее, мысленно предвосхищать результаты своей практической деятельности, ставить себе определенные цели и стремиться к их осуществлению. Как указывал К. Маркс, самый плохой архитектор отличается от наилучшей пчелы тем, что он заранее предвидит результаты своей работы¹⁵. Для того чтобы преобразовать действительность на практике, необходимо преобразовать ее в сознании.

---

¹³ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии, стр. 9—10.

¹⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 370.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 189

Эту функцию мысленного преобразования действительности и выполняет воображение.

Но воображение может проявлять себя и с другой стороны. При помощи воображения сознание может не только опережать действительность, но и уходить в сторону от действительности. Действительность может быть фантастически искажена, извращена в мышлении. В действительности существуют, например, люди и быки, львы и орлы. Однако благодаря воображению могут возникнуть представления о Минотавре, чудовище с телом человека и головой быка, и грифах, чудовищах с львиными туловищами, но с головой и крыльями орла. Само мышление человека может быть оторвано в воображении от материальной основы и представлено как божественный разум.

Благодаря воображению субъективное может входить в конфликт с объективным. Идеальное выступает здесь как материальное, пересаженное в человеческую голову и извращенное в ней.

Если в одном случае воображение является стимулом практической деятельности, способным воодушевить человека на практическое преобразование действительности в своих интересах, то в другом случае воображение, напротив, отвлекает человека от борьбы за практическое преодоление действительности, уводит от действительности, обрекает на пустую мечтательность, представляет действительность не такой, какова она есть на самом деле. «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, не сознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (in letzter Instanz * = бога)»¹⁶.

Такой отлет фантазии от жизни, который приводит к религии, возможен лишь в определенной социальной

---

* — в последнем счете. *Ред.*

¹⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 370.

обстановке. Такой отлет фантазии от жизни проявляется в условиях беспомощности человека перед лицом действительности, в условиях придавленности человека противостоящими ему внешними силами. Именно в этих условиях открывается широкое поле деятельности для фантастического искажения действительности. Отлет фантазии от жизни становится гносеологическим источником религиозных представлений, взглядов, идей.

Однако нельзя считать, что при известных условиях отражение действительности ограничивается искажением действительности. Несостоятельны утверждения Л. Леви-Брюля, который, исходя из своей теории о пралогическом мышлении, считал, что мышление первобытного человека насквозь мистично. Нужно сказать, что религиозные представления действительно играли большую роль в жизни первобытного общества. Но мышление первобытного человека не сводится только к созданию религиозных представлений, взглядов. В основе всей жизни первобытного человека лежат правильные взгляды на действительность. Вполне рациональны его идеи, касающиеся изобретения и усовершенствования орудий труда, улучшения быта. Целый ряд явлений природы первобытный человек объясняет вполне правильно. У него богатые познания о тех животных, на которых он охотится или которых он разводит, о тех растениях, которые он собирает или возделывает. Эти знания о животных и растениях позволяли ему отбирать для разведения лучшие экземпляры и тем самым осуществлять процесс, который был назван Ч. Дарвином бессознательным отбором. Мышление первобытного человека в известной мере извращало окружающий мир, но вся деятельность мышления никогда не сводилась к такому извращению.

«Познание может быть биологически полезным,— писал В. И. Ленин,— полезным в практике человека, в сохранении жизни, в сохранении вида, лишь тогда, если оно отражает объективную истину, независящую от человека»¹⁷.

¹⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 127.

Если бы мышление первобытного человека было насквозь мистично, он не смог бы развить свои производительные силы, никогда не вышел бы из стадии первобытности. Следовательно, если исходить из учения Леви-Брюля, то нужно сделать вывод, что первобытный человек отделен непреходимой стеной от «цивилизованного».

Человек с таким типом мышления, какой приписывает ему Леви-Брюль, просто не смог бы ориентироваться в окружающей его обстановке, т. е. он не смог бы биологически существовать. Сам Леви-Брюль в своих работах, вопреки основной концепции, показывает, что в целом ряде случаев мышление первобытного человека вполне правильно отражает окружающую действительность.

Дело в том, что человек никогда не был полностью зависим, беспомощен перед лицом окружающей действительности, никогда не был полностью подавлен окружающей действительностью. В любой исторический период он в какой-то мере осознавал законы природы и общества и использовал их в своих интересах. Поэтому фантастическое искажение действительности всегда имело ограниченную сферу проявления. В ходе истории человек все более и более овладевал законами действительности, все более господствовал над ними, все более ставил их на службу своим интересам.

Вместе с ходом этого исторического процесса все более сужалась сфера фантастического искажения действительности. В коммунистической формации человек овладевает не только закономерностями природы, но и закономерностями общественной жизни: он познает их и использует в своих интересах. Ликвидируются социальные условия, в которых люди ощущают господство над ними сил окружающей действительности. Вместе с ликвидацией этих социальных условий исчезает и возможность фантастически искаженного отражения действительности в форме религии.

Активность сознания обусловлена также эмоциональным восприятием действительности. Выражая отношение человека к предметам и явлениям, эмоции явля-

ются процессом переживания человеком своих взаимоотношений с окружающей его средой. Поскольку среда человека является общественной средой, человеческие эмоции являются продуктом истории общества.

Эмоции являются стимулом человеческой деятельности. В «Людвиге Фейербахе» Ф. Энгельс писал, что «даже за еду и питье человек принимается под влиянием отразившихся в его голове ощущений голода и жажды, а перестает есть и пить потому, что в его голове отражается ощущение сытости. Воздействия внешнего мира на человека запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли, словом — в виде «идеальных стремлений», и в этом виде они становятся «идеальными силами»¹⁸. «...В истории общества, — пишет далее Ф. Энгельс, — действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, ставящие себе определенные цели»¹⁹.

Возникающие на основе материальной деятельности, практики, эмоциональные переживания людей в свою очередь становятся в какой-то мере стимулом, побудительной причиной практической деятельности.

Роль эмоций в процессе практической деятельности определяет и их роль в процессе познания. Они становятся стимулом, толчком, побудительной причиной процесса познания, обслуживающего практику. Но их роль в процессе познания не ограничивается этим. Их роль заключается также и в том, что они сопровождают весь процесс отражения действительности в человеческой голове. Процесс познания всегда эмоционально окрашен, так как он совершается у человека, определенным образом переживающего свое взаимоотношение с той средой, которую он отражает в своем сознании. Эмоции направляют процесс познания в определенную сторону. Они оказывают влияние на работу воображения (стимулируют работу воображения).

---

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 357.

¹⁹ Там же, стр. 371.

Эмоции имеют значение не только для процесса познания, процесса созлания тех или иных представлений, взглядов, идей, но они являются также и одним из условий сохранения этих представлений, взглядов, идей.

Таким образом, эмоции являются необходимыми спутниками практической деятельности и процесса познания, обслуживающего практическую деятельность.

Но в определенных условиях социальной действительности эмоции могут способствовать фантастическому искажению действительности, что в конечном счете может привести к религии. Из всех эмоций в этом отношении наибольшая роль принадлежит страху. Страх является одной из важных предпосылок возникновения и существования религии. Интересные в этом отношении данные приводит датский полярный исследователь, этнограф Кнуд Расмуссен. Будучи по рождению полуэскимосом и изъясняясь не хуже самих эскимосов на их родном языке, он пользовался среди них исключительным доверием. Эскимосский шаман Ауа в беседе с Расмуссеном говорил ему: «Мы боимся! Мы боимся непогоды, с которой должны бороться, вырывая пищу от земли и от моря. Мы боимся нужды и голода в холодных снежных хижинах. Мы боимся болезни, которую ежедневно видим около себя. Не смерти боимся, но страданий. Мы боимся мертвых людей и душ зверей, убитых на лове. Мы боимся духов земли и воздуха... Боимся того, что видим вокруг себя, и боимся того, о чем говорят предания и сказания»²⁰.

Хорошо иллюстрирует ту роль, которую играл страх в процессе создания первобытных религий, один из миссионерских отчетов XVIII в., составленный на полинезийских островах Общества: «...Ни одному самому ревностному служителю какого-нибудь божества и в голову никогда не приходило, что объект его поклонения и покорности может относиться к нему любовно и благосклонно; да и сам он со всем его рвением и благочестием был чужд всякому чувству, которое приближалось бы к любви. Страх был тайной причиной всего могущества богов.

²⁰ К. Расмуссен Великий санный путь. М., 1958, стр. 82—83.

Страх бывал главным и часто единственным мотивом, определявшим поступки наиболее упорных и ревностных служителей этих богов»²¹.

Вследствие того, что уровень развития производительных сил был крайне низок, человеку первобытно-общинного строя часто приходилось ощущать свое бессилие в борьбе с природой. Страх перед грозными силами природы вызвал к жизни представления о сверхъестественных, всемогущих существах. В этом смысле надо понимать известное изречение, приводимое В. И. Лениным: «Страх создал богов»²².

На страхе основана не только религия первобытно-общинного строя, но и религии всех других общественных формаций, в том числе и так называемые великие мировые религии. «Объяснение происхождения религии из страха,— писал Л. Фейербах,— подтверждается далее и тем, что даже и христиане, которые, по крайней мере теоретически, приписывают религии совершенно сверхчувственное, божественное происхождение и характер, настраиваются религиозно главным образом в тех случаях, в те моменты жизни, когда в человеке возбуждается *страх*»²³. Страх не только порождает религию, но и сохраняет ее, является постоянной поддержкой религии.

В классово антагонистическом обществе страх основан не только на подавленности человека силами природы, но и на его подавленности силами общества. Силы общества, так же как и силы природы, противостоят человеку как внешние по отношению к нему; они господствуют над ним.

В современном капиталистическом обществе страх продолжает являться одним из эмоциональных источников религии. В рамках капитализма закономерности развития общества не могут сознательно использоваться в интересах общества. Страх является проявлением чувства зависимости перед силами капиталистического общества,

---

²¹ Цитир. по кн.: Л. Л е в и - Б р ю л ь. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937, стр. 12—13.

²² В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 15, стр. 375.

²³ Л. Ф е й е р б а х. Избранные философские произведения, т. II, стр. 522.

действие которых не может быть предусмотрено широкими массами.

На страхе держится религия и в рядах господствующих классов капиталистического общества. Это — страх перед возможным разорением в условиях ожесточенной капиталистической конкуренции. Это — страх перед развивающимся и углубляющимся кризисом капиталистического общества.

Известно, что в период войны в нашей стране наблюдалась активизация религиозной деятельности. Это было связано с проявлением страха со стороны некоторой менее устойчивой части советских граждан перед оккупацией, возможностью потери своего крова, близких и т. д.

Роль других эмоций, кроме страха, для религии менее значительна. В частности, такие эмоции, как радость и некоторые другие, играют роль в создании и сохранении религии главным образом лишь в связи со страхом. Человек, подавленный окружающей действительностью, радуется тому, что внешние силы, которых он страшится, не раздавили, не покарали его. Вопреки современным богословским теориям, пытающимся представить основой религии любовь к богу, факты неопровержимо свидетельствуют, что из всех эмоций страх является основным фактором, поддерживающим религиозные воззрения людей.

Таким образом эмоции влияют на процесс познания. Но и идеи, взгляды, возникшие в результате осознания действительности, обуславливают определенное эмоциональное состояние человека, определенное эмоциональное отношение к действительности, переживание действительности. Предметы и явления действительности под влиянием тех или иных идей, взглядов, того или иного мировоззрения, вызывают то или иное эмоциональное состояние человека.

Религиозное мировоззрение, порожденное страхом, слабостью человека перед противостоящими ему силами действительности, населяя действительность грозными и могущественными сверхъестественными силами, еще более усиливает страх человека перед окружающей его действительностью.

2. Абстрактное мышление и религия

Важнейшей способностью человеческого мышления является способность к абстрагированию — мысленному отвлечению от тех или иных свойств, сторон рассматриваемых, изучаемых предметов и явлений. Благодаря способности абстрагирования мышление может выделять существенные признаки и связи в окружающей действительности, отвлекаясь от несущественных; мышление может обобщать, т. е. вскрывать то общее, что присуще отдельным предметам и явлениям окружающей действительности. Абстрактное мышление оперирует абстрактными понятиями, которые отражают действительность опосредованно, через посредство чувственного материала, получаемого из окружающей действительности при помощи органов чувств. Но, вскрывая общее и существенное в предметах и явлениях окружающего мира, абстрактное мышление дает то, чего никогда не может дать процесс живого созерцания. «Мышление,— указывает В. И. Ленин,— восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное...* — от истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»²⁴.

Только благодаря абстрагирующей способности мышления, выделяющей общее и существенное из частного и несущественного, можно открыть объективные закономерности, существующие независимо от воли и сознания людей, и поставить эти закономерности на службу человеку. Категории, т. е. понятия, отражающие то наиболее общее и существенное, что присуще предметам и явлениям действительности, «суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»²⁵.

Все это показывает значение абстрактного мышления в процессе познания действительности.

²⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 161.

²⁵ Там же, стр. 81

Но в определенных условиях жизни общества абстрагирующая деятельность человеческого мышления может дать и прямо противоположные результаты.

В процессе познания действительности мышление неизбежно должно выделять некоторые стороны действительности.

Без этого невозможно изучение действительности, отделение существенного от несущественного, общего от отдельного. Однако это отделение одних сторон действительности от других может в определенных исторических условиях развития общества привести к извращающим действительность результатам. Идеальная сторона действительности в определенных условиях может быть отделена от материальной стороны действительности, она может быть представлена самостоятельным существом, обуславливающим, определяющим существование материальной основы.

Абстрактные понятия, являющиеся продуктом абстрагирующей деятельности материального органа — мозга, могут быть представлены в виде самостоятельных существ, независимых от деятельности особым образом организованной материи.

Таким образом, в определенных социальных условиях, когда человек подавлен трудностями борьбы с действительностью, когда он познает действительность в условиях постоянного страха за свою судьбу, абстрагирующая деятельность человеческого мышления, являющаяся необходимым условием всякой человеческой деятельности, может в то же время явиться гносеологическим источником религии. «Раздвоение познания человека и возможность идеализма (=религии) даны уже в первой элементарной абстракции...»²⁶.

Религиозные образы возникают в значительной мере на основе абстрактных понятий.

Уже первобытный человек, отвлекая некоторые стороны действительности, придавал абстрактным понятиям вид существ, независимых от деятельности познающего человеческого мозга. «Идеализм первобытный: об-

---

²⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 370.

щее (понятие, идея) есть *отдельное существо*»,—пишет В. И. Ленин²⁷. Уже человек первобытнообщинного строя представлял некоторые абстрактные понятия самостоятельными, конкретными, живыми существами, придав им форму духов. В период зарождения рабовладельческого общества формируются образы богов политеизма. Например, такие абстрактные понятия, как война, мир, плодородие и т. д., выступают в виде образов соответствующих богов. Религиозные образы могут возникать как на основе отражения различных сторон действительности, так и на основе абстрактных понятий, отражающих действительность.

Так возникли первые религиозные образы. Подобными путями происходило формирование также и современных религий. Монотеизм, например, представляет совокупность свойств, абстрагированных от окружающей действительности, существом, противостоящим окружающей действительности, творящим эту действительность. Совокупность абстракций монотеизм изображает как всемогущего бога.

В религиозных образах общее выражается через единичное, отдельное. В этом сходство религиозных образов с образами искусства. Но для верующего человека религиозный образ — это не условность, а реальный факт, не отражение действительности, а ее творец. В этом коренное отличие религиозного образа от образа искусства. Действительность в возникающих таким путем религиозных образах отражается неверно, фантастически извращенно. Об образном отражении действительности в религии будет говориться ниже.

Однако религии свойственны не только образы, но и свои собственные, религиозные понятия, догматы. При этом, если абстрактные понятия правильные отражают действительность глубже и полнее, чем живое созерцание, то абстрактные понятия неправильные отражают действительность извращенно, не способствуют процессу познания, а напротив, затрудняют его. Есть понятия научные, правильно отражающие действительность, и

---

²⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 370.

есть понятия ненаучные, искажающие действительность; к последним относятся религиозные понятия.

Конкретное знание действительности достигается абстрактным мышлением. Но оно не может отразить тот или иной предмет действительности, то или иное явление действительности сразу во всем его конкретном своеобразии. Познание проходит длительный путь развития. Конкретное является исходным пунктом познания, а именно — исходным пунктом живого созерцания. Все человеческие знания исходят из конкретной действительности. Но в процессе мышления конкретное выступает как результат осознания действительности. Процесс познания, восходящий первоначально от конкретного к абстрактному, затем проходит путь от абстрактного к конкретному. В начале процесса познания тот или иной предмет, то или иное явление действительности выражается в понятиях крайне бедно, неопределенно, односторонне, абстрактно. В ходе дальнейшего развития познания действительность отражается в понятиях и системе понятий все более многосторонне, полно, определено. В результате мы имеем уже не абстрактные, отвлеченные, как это было в начале процесса познания, а все более конкретные знания о действительности.

В процессе формирования религии сознание также совершает восхождение от конкретного к абстрактному (исходит из конкретной действительности) и проходит путь от абстрактного к конкретному. Религиозные понятия и образы, свойственные той или иной религии (например, христианству), являются сначала также крайне бедными, общими, абстрактными. В своих наиболее ранних произведениях — «Откровении Иоанна» и «Посланиях Павла» — христианское учение только еще начинает формироваться. В этих произведениях оно сформулировано еще крайне неопределенно.

Разбирая в своей работе «Книга Откровения» первое христианское произведение «Апокалипсис», Ф. Энгельс отмечал, что «здесь христианство представлено в самой необработанной из дошедших до нас форм. Господствует только один догмат: верующие спасены жертвой Христа. Но как и почему — совершенно нельзя по-

нять»²⁸. В «Апокалипсисе» содержатся лишь первые элементы начинающей складываться в новых исторических условиях христианской религии. В работе «К истории раннего христианства» Ф. Энгельс также отметил неразвитую форму раннего христианства по сравнению с разработанной догматикой и мифологией христианства, ставшего государственной религией²⁹.

Первоначальное христианство существовало в виде многочисленных сект, каждая из которых выражала в религиозной форме ту или иную новую потребность общественного развития, отражая и фантастически искажая ту или иную сторону жизни общества. «Миф о первоначальном чистом христианстве, сразу озарившем мир, держался веками и держится до сих пор на не критическом чтении книг Нового завета»³⁰. Христианство формировалось на базе переработки учений различных сект. Процесс оформления христианства как новой религии в общих чертах завершается лишь к IV в. (Никейский собор).

То же самое следует сказать и о возникновении образа Иисуса Христа. Если мы обратимся к наиболее ранним христианским произведениям, входящим в Новый завет, то увидим, что понятие о небесном спасителе является весьма общим, неопределенным, абстрактным. Здесь нет еще указаний на Христа как на якобы историческую личность. Образ Христа здесь еще очень далек от той разработки, которая дана была ему в евангелиях. Лишь постепенно происходит связывание формирующегося мифического образа Иисуса Христа с определенными историческими событиями. Если в «Посланиях Павла» Христос фигурирует еще почти полностью вне времени и пространства, то в евангелиях, созданных позже, дается представление о Христе как исторической личности. Р. Ю. Виппер считает, что миф о Христе и апостоле Павле как исторических личностях сложился лишь во второй половине II в. н. э.³¹

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. О религии, стр. 161.

²⁹ Там же, стр. 264.

³⁰ Р. Ю. Виппер. Рим и раннее христианство, стр. 255.

³¹ Там же, стр. 69.

Таким образом, религиозные понятия и образы являются сначала крайне абстрактными. Как известно, научные понятия в начале своего развития также дают неполное, абстрактное, одностороннее осознание действительности. Но эти понятия все же приблизительно верно хотя и односторонне, отражают действительность.

В ходе развития научных знаний действительность отражается все более полно и многосторонне, в результате чего осуществляется все более адекватное отражение конкретной действительности.

В противоположность этому в религиозных понятиях и образах действительность отражается не только односторонне, но и извращенно. В ходе своего развития религиозные понятия и образы также постепенно конкретизируются, т. е., если в начале процесса формирования той или иной религии в сознании извращенно отражаются отдельные стороны, отношения, связи действительности, то в результате оформления той или иной религии в сознании извращается уже действительность в целом. В ходе конкретизации религиозных понятий и образов продолжается процесс фантастического извращения действительности. Но религия дает конкретное извращение действительности: в религии отражаются извращенно не природа, общество, мышление вообще, а данная, окружающая человека природа, общество на данном этапе его развития, мышление данных людей, мыслящих в данных, конкретных условиях своего существования. Религия не выполнила бы своей функции орудия классовой борьбы в руках господствующего класса, если бы она не отражала исторически конкретных общественных отношений.

Если конкретизация научных знаний означает все более полное познание человеком конкретной действительности, то конкретизация религиозных понятий означает все более глубокое извращение человеком действительности в своем сознании.

Каждой исторической эпохе свойственна своя особая, конкретная форма религии. Вместе с изменением общественных условий изменяется религиозная идеология общества. Новая религия отражает новые условия.

Христианская религия возникла в новых конкретно-исторических условиях. Она отразила эти новые условия. Вначале она отразила эти новые условия крайне бедно, неопределенно, абстрактно, но с самого начала она отразила их извращенно, придав земным силам характер неземных.

Впоследствии, в ходе своего дальнейшего развития, христианская религия отображала действительность все более определенно, все шире охватывала действительность, все глубже извращала ее. Именно конкретизация христианской религии, конкретное извращение в ней общественных отношений, конкретизация образа Христа, понятия о возмездии «на том свете», аде и рае и т. д., короче, конкретное извращение действительности, придание конкретным земным силам характера неземных позволило христианской религии стать той духовной силой, которая на протяжении многих веков является орудием угнетения народных масс.

Способность абстрагирующей деятельности в данном виде является специфической особенностью человеческого мышления.

Психическая деятельность человека качественно отличается от так называемой психической деятельности высших животных. Ф. Энгельс указывал, что «нам общи с животными все виды рассудочной деятельности...»³². Но все эти виды рассудочной деятельности, в том числе и абстрагирование, присущие и человеку и животным, находятся у них на качественно различном уровне. Поэтому И. П. Павлов говорил не о душевной деятельности высших животных, а о «так называемой душевной деятельности». «Я с умыслом прибавил,— говорил И. П. Павлов,— к словам «душевная деятельность» (высших животных.— А. С.) эпитет «так называемая». Когда натуралист ставит себе задачей *полный анализ* деятельности высших животных, он, не изменяя принципу естествознания, не может, не имеет права говорить о *психической* деятельности этих животных»³³.

³² Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 176.

³³ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 1, стр. 65.

Человеческое мышление отличается от так называемой психической деятельности высших животных, во первых, иным, гораздо более высоким уровнем абстрагирующей способности; во-вторых, тем, что оно оперирует абстрактными понятиями; и, в-третьих, тем, что эти абстрактные понятия облечены в языковую оболочку.

Религия свойственна лишь сознанию человека. Некоторые буржуазные ученые пытаются, правда, обнаружить проявление религиозности у высших животных. Так, В. Браубах утверждал, что у собаки существует культ хозяина³⁴. Попытки обнаружить религию у животных встречались и позже, у некоторых зоопсихологов.

И. П. Павлов справедливо подвергал насмешкам подобные «исследования»³⁵. Действительно, подобное перенесение человеческих отношений на животный мир является по существу сплошным реакционным вздором. Эта биологизация религии способна служить лишь обоснованием вечности и неизбежности религии, являющейся якобы прирожденным продуктом психической деятельности. С позиций марксизма, установившего подлинные корни религии, становится особенно очевидной тенденциозность подобных утверждений.

3. Метафизика и религия

Возникновение и существование религии тесно связаны также с метафизическим способом мышления. Если диалектика последовательно ведет к материализму, то метафизика в конечном счете ведет к идеализму и религии. Метафизический подход к предметам и явлениям действительности, осуществляющийся в определенных условиях, может явиться гносеологическим источником религии.

---

³⁴ W. Braubach. Religion, Moral und Philosophie der Darwinischen Artlehre... Neuwied — Leipzig, 1869, S. 53.

³⁵ См.: Ю. П. Фролов Иван Петрович Павлов. Воспоминания. М., 1953, стр. 74.

Метафизический способ мышления искажает объективно существующие взаимосвязи действительности, разрывает взаимную связь и обусловленность между явлениями. Метафизический способ мышления приводит к противопоставлению субъективных образов объективного мира самому объективному миру. Благодаря этому способу мышления, упрощающему процесс познания, преувеличивающему роль отдельных сторон процесса познания, становится возможным отрыв идеального от материального в воображении, противопоставление идеального материальному, представление идеального самостоятельным существом.

Метафизический способ мышления приводит к тому, что религия рассматривает действительность как состояние покоя и неподвижности, застоя и неизменности. «Познал я,—говорится в Ветхом завете,—что все, что делает Бог, пребывает вовек; к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить...»³⁶; «что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»³⁷. Если же религия и объясняет какие-либо изменения, совершающиеся в объективной действительности, то источник этих изменений она видит не внутри изменяющихся предметов и явлений, а вне их — в деятельности фантастических сверхъестественных сил, противостоящих действительности как ее творцы, демиурги.

«Для метафизика,—указывает Ф. Энгельс,—вещи и их мысленные отображения, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непосредствованными противоположностями; речь его состоит из «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого»³⁸. Интересно, что для характеристики взглядов метафизика Ф. Энгельс обращается к тексту Нового завета. Вот соответствующее место из Нового завета: «Но да будет слово ваше: «да, да»; «нет, нет»; а что сверх

³⁶ Книга Екклесиаста, 3, 14.

³⁷ Там же, 1, 9.

³⁸ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 21

этого, то от лукавого»³⁹. Это обращение Ф. Энгельса к Библии не случайно. Именно в религии метафизический способ мышления проявляется наиболее ярко.

Метафизический способ мышления приводит к неправильному пониманию соотношения абсолютного и относительного. Метафизическая путаница в вопросе об абсолютном и относительном может явиться в конечном счете гносеологическим источником идеализма религии.

Метафизический подход может привести к преувеличению роли относительного, к отрыву относительного от абсолютного. Этот путь ведет к субъективному идеализму, не видящему, что относительное есть путь к абсолютному, что абсолютная истина складывается из суммы относительных истин. Изменение представлений об объективном мире субъективный идеализм использует для отрицания самого объективного мира.

Но метафизический подход, отрывающий абсолютное от относительного, способен привести также и к извращенно преувеличенной трактовке роли абсолютного, к непониманию его связи с относительным. Такой подход способен привести к объективному идеализму и религии.

Когда те или иные представления, понятия, идеи, взгляды рассматриваются не как нечто исторически ограниченное, относительное, подлежащее уточнению, дополнению, способное к изменению и развитию, а как нечто абсолютное, не подлежащее никакому дальнейшему изменению, дополнению и уточнению, как нечто безусловное, обязательное для всех исторических эпох и периодов, то в определенных условиях — это путь к религии. Дело не только в том, что религия абсолютизирует отдельные положения, догматы. Дело еще и в том, что положения религии, в противоположность положениям науки, не имеют характера объективных истин, так как это не приблизительное правильное отражение действительности, а отражение неправильное, фантастически извращенное.

---

³⁹ Евангелие от Матфея, 5, 37

Религиозные догматы дают неверное, неадекватное отражение действительности, они искажают, фантастически извращают действительность. Религиозные догматы не имеют характера относительных истин, так как они не ведут к достижению абсолютной истины; напротив, они уводят познание в сторону от достижения абсолютной истины, закрывают к нему пути. Поэтому история развития человеческих знаний, история науки есть в то же время история борьбы науки и религии.

При рассмотрении догматизма религии нужно поэтому иметь в виду, что религиозные догматы не являются относительными истинами, что религия выдает за безусловные, «вечные» истины такие положения, которые на самом деле к истине не имеют никакого отношения.

Догматизм (гносеологически) вытекает из неправильного понимания соотношения относительного и абсолютного, выражающегося в преувеличении до абсурда роли абсолютного в процессе познания.

Не случайно, что такие термины, как догматизм, талмудизм, имеют своей первоосновой религиозную терминологию.

Религия, отделив абсолютное от относительного, бесконечное от конечного, оторвав понятия от тех объектов, которые отражаются в понятиях, раздвоила мир на потусторонний и посюсторонний. Догматизм не только порождает, но и закрепляет это религиозное раздвоение мира.

Религиозный догматизм всегда являлся препятствием для развития науки. Религиозные догмы противоположны выводам науки. Кроме того, религия догматизировала отдельные достижения науки, тем самым препятствуя ее дальнейшему развитию. Так, христианская религия догматизировала в свое время открытия Птолемея в области астрономии, открытия Галена в области биологии и медицины, открытия Аристотеля в области философии и т. д. Открытия, прогрессивные для своего времени, становились препятствием для дальнейшего развития знания, так как относительные истины науки выдавались за абсолютные, неизменные, вечные истины. Догматизм, без которого

немыслима религия, является врагом науки. В этом проявляется гносеологическая противоположность науки и религии.

4. Образное отражение действительности в религии

Религия имеет много общего с философским идеализмом.

Как известно, идеализм существует в двух основных формах: в форме субъективного идеализма и в форме объективного идеализма.

Субъективный идеализм рассматривает мир существующим в виде ощущения, сознания отдельного субъекта. Объективный идеализм берет за основу всего существующего не ощущение, сознание отдельного субъекта, а идеальное вообще.

Религия является формой объективного идеализма. Религия — это наиболее грубая, примитивная форма идеализма. В то же время идеалистическая философия является лишь утонченной формой религии. На принципиальное сходство идеалистической философии и религии неоднократно указывали классики марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс подразделяли идеализм на философский и религиозный⁴⁰.

Граница между философским идеализмом и религией является весьма условной. Факт духовного родства идеалистической философии и религии признается самими представителями религиозно-идеалистического лагеря. «Философия,— пишет Франциска Майер-Хиллебранд, имея в виду идеалистическую философию,— так же как и религия хочет прежде всего привести нас к уверенности в том, что имеется творец и организатор мира. Обе показывают нам далее, что мир, созданный богом, должен быть лучшим из всех возможных миров, и, наконец, они пытаются утвердить мысль о духовности и бессмертии души»⁴¹.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 536.

⁴¹ F. Mayer-Hillebrand. Zur Einleitung. В кн.: F. Bren-
tano. Religion und Philosophie, S. VII.

Основной вопрос философии имеет самое непосредственное отношение к религии.

Идеалистическое решение основного вопроса философии проявляется уже в анимизме. Уже в первобытной религии — анимизме — мы находим представление о том, что душа предшествует телу, дух — явлениям природы. Но из анимизма развились все последующие формы идеализма и религии. Утверждая, что великий основной вопрос философии был поставлен еще в то время, когда первобытный человек пришел к представлению о душе как особом, отличном от тела начале, Ф. Энгельс писал: «Высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, имеет свои корни, стало быть, не в меньшей степени, чем всякая религия, в ограниченных и невежественных представлениях людей периода дикости»⁴².

Идеалистическое решение основного вопроса философии является гносеологической сущностью всякой религии.

Рассматривая вопрос о том, в какой связи с религией находится идеализм Гегеля, Фейербах писал, что учение Гегеля противоречит религии «лишь постольку, поскольку вообще развитая, последовательная мысль противоречит неразвитому, непоследовательному, но выражающему то же самое представлению»⁴³. То, что говорит Фейербах о религии и идеализме Гегеля, можно сказать об идеалистической философии и религии вообще.

Однако, наряду с существенным, принципиальным сходством между идеалистической философией и религией, у них имеются и известные различия. Идеалистическая философия обычно является достоянием узкого круга «избранных», она чужда широким массам, непонятна и недоступна им. Напротив, религия распространяется среди широких масс, она должна соответствовать уровню забытых и невежественных народных масс.

---

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II стр. 350.

⁴³ Л. Фейербах. Избранные философские произведения, т. II. стр. 268.

Религия есть фантастически искаженная совокупность свойств, абстрагированных от природы, общества, мышления. Абстрагированные таким путем свойства объективируются, возводятся в абсолют, обожествляются. В этом — сходство философского идеализма и религии, сходство, делающее различие между ними непринципиальным.

Но процесс формирования религии не исчерпывается объективированием и возведением в абсолют абстрактных понятий. «Идеализм есть поповщина,— пишет В. И. Ленин.— Верно. Но идеализм философский есть (*«вернее»* и *«кроме того»*) *дорога к поповщине через один из оттенков* бесконечно сложного *познания* (диалектического) человека»⁴⁴. В отличие от философского идеализма, религия, абстрагируя свойства действительности, превращает их не только в самостоятельные существа, но и представляет их в виде конкретных существ, которые имеют место, разумеется, лишь в воображении. Можно сказать поэтому, что религия есть идеализм, имеющий образную форму.

Абстракция выражается в религии в форме образа. Примером этому может служить мифология, где различные стороны действительности абстрагированы от действительности и воплощены в образы богов. Содержание мифологии не сводится, конечно, исключительно к религии. В мифологии наряду с фантастическим и извращенным отражением действительности встречаются моменты глубоко реалистического, адекватного отражения действительности. Религиозные представления и идеи составляют, однако, значительную часть содержания мифов.

Религиозное содержание находит свое воплощение в образной форме также и в целом ряде произведений позднейших религий. К такому типу произведений относятся в значительной мере, например, такие «священные» книги, как Библия и Коран. В результате этого религия оказывается гораздо более доступной народным массам, чем идеалистическая философия, оперирующая туманными и мало понятными массам абстракциями.

⁴⁴ В. И. Ленин Сочинения, т. 38, стр. 361

Конечно, религия не сводится к совокупности, системе образов. Выше уже указывалось на роль догматов в религии. Догматам религии должны быть противопоставлены данные науки. Однако нельзя не учитывать и другую сторону религии — ее образный характер, то, что является спецификой религии как опиума народа, то, что отличает ее от идеалистической философии.

5. Практика и религия

Процесс познания неразрывно связан с практической деятельностью человека. Поэтому при рассмотрении гносеологических корней религии необходимо остановиться также на отношении религии к практике.

Открытие практики как основы процесса познания и критерия истины явилось одним из наиболее важных обобщений марксизма. Это открытие в значительной мере определило революционный переворот, произведенный в философии марксизмом. Это понимание роли практики коренным образом отличает философию марксизма, диалектический материализм, не только от идеалистической философии, но и от всего предшествующего, домарксистского материализма.

Марксизм показал, что сознание отражает бытие в процессе практики. Практика является, в конечном счете, исходным пунктом всех представлений, идей, взглядов человека. Научное познание возникло на основе потребностей общественной практики. Практика является постоянным стимулом развития науки.

Но не только научные идеи, правильно отражающие действительность, возникают и развиваются на основе практики. «Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками», — писали К. Маркс и Ф. Энгельс⁴⁵.

---

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 25

Религиозные представления, идеи, взгляды, дающие неправильную, искаженную, фантастическую картину мира, также возникают и развиваются в процессе практики.

«Все идеи извлечены из опыта,— указывает Ф. Энгельс,— они — отражения действительности, верные или же искаженные»⁴⁶.

Религия является результатом сравнительно низкого уровня развития общественной практики. Она формируется в ходе практической деятельности людей, в их отношениях к природе и друг к другу на определенном этапе развития практики.

Религия изменяется вместе с изменением практики, в процессе практики. Отрицать это положение и утверждать обратное, т. е. что религия стоит особняком от практики, формируется и развивается вне и независимо от нее, было бы равносильно становлению на точку зрения идеализма, считающего, что религия формируется и развивается или благодаря имманентной (внутренне присущей) способности мышления, или благодаря имманентной способности самой религии. Отрывать религию от практики, утверждать, что она не имеет отношения к практике, есть точка зрения идеализма; именно идеализм утверждает, что теория одно, а практика совсем другое, что теория развивается обособленно и независимо от практики. Мало того, это значило бы рассматривать религию как совершенно исключительную идеологию, развивающуюся по принципиально иным законам, чем любая другая идеология, любая другая форма общественного сознания. А это уже точка зрения религии, фидеизма, поповщины.

Конечно, как бы ни был низок уровень развития общественной практики, в ходе практической деятельности людей всегда возникают идеи, взгляды, правильно отражающие действительность. Однако наряду с ними могут возникать также идеи, взгляды, дающие неверное, фантастически искаженное представление о действительности.

---

⁴⁶ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 317.

В основе всякой религии лежит обожествление предметов и явлений, имеющих практическое значение для человека, тех предметов и явлений, от которых человек в своей практической деятельности зависит. Э. Тайлор отмечает, что «поклонение солнцу далеко не повсеместно среди примитивных человеческих племен»⁴⁷. Культ солнца распространен преимущественно среди племен и народов, занимающихся земледелием. На более позднем этапе — в древнем мире — культ солнца достигал наибольшего развития на Востоке (культы Ра, Амона в Египте), так как именно на Востоке земледелие занимало доминирующее положение в экономике.

Религия может дать, конечно, лишь фантастически извращенное обобщение практики. Извращая практику, она тем самым препятствует действительному разрешению запросов развивающейся практики. В классово антагонистическом обществе она извращает практику в угоду господствующим классам.

Марксизм считает практику критерием истины. Идеи, взгляды, теории не только исходят из практики, возникают из ее потребностей, но они и обслуживают практику, возвращаются к практике, проверяются через практику. Критерий практики имеет объективное значение. Поэтому только практика может дать в конечном счете подтверждение или опровержение того или иного теоретического положения. Только она может дать окончательный ответ на вопрос об истинности или ложности тех или иных идей, взглядов, теорий.

Практика обнаруживает достоверность данных науки, выявляет их значение как объективных истин. Она отделяет истинное от ложного, совершенствует научные теории, уточняет и развивает их.

В то же время она является самым решительным опровержением всевозможных идеалистических и религиозных вывертов.

Но вопрос об отношении религии к практике нельзя рассматривать упрощенно, иначе невозможно будет по-

---

⁴⁷ Э. Тайлор. Первобытная культура, стр. 431.

нять, почему же религия,— фантастическое, извращенное отражение действительности,— возникшая еще в период палеолита, до сих пор продолжает отравлять сознание широчайших народных масс. На протяжении всей истории человеческого общества практика всегда выполняла роль критерия истины. Даже для того, чтобы человек ориентировался в пространстве, необходимо, чтобы его представления об окружающей среде были бы правильными, имели бы значение объективных истин, а для этого нужно, чтобы эти представления были практически проверены, подтверждены практикой, практической деятельностью людей.

Для правильного понимания того обстоятельства, что, несмотря на существование критерия практики, религия не могла быть уничтожена на протяжении тысячелетий, необходимо иметь в виду положение об относительности критерия практики.

Теория определяется практикой. Но практика не есть нечто раз и навсегда данное, застывшее и неизменное. Сама практика проходит различные этапы в своем развитии, а вместе с ней развивается и теория.

Религия связана с низким уровнем развития практики. Общественная практика не достигла еще того уровня, который мог бы религию опровергнуть. Народные массы не могли еще на практике убедиться в несостоятельности религиозного мировоззрения. Правда, уже древний мир знает целый ряд замечательных критиков религии, таких как Гераклит, Демокрит, Эпикур, Лукреций Кар, Лукиан. Выдающихся атеистов выдвинула из своей среды буржуазия в период борьбы с феодализмом. В тот период, когда буржуазия была восходящим, прогрессивным классом общества, ее идеологи достигли многого в области борьбы с религией и развития атеизма. Общеизвестными являются имена Дидро, Гольбаха, Гельвеция, Фейербаха. Значительную роль в истории атеизма сыграли русские революционные демократы В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский. Однако в то время атеизм не был мировоззрением широких народных масс.

На протяжении веков народные массы боролись за свое освобождение от эксплуатации. Но борьба долгое время не давала освобождения. Даже в случае победы над старым строем сам народ мало что получал от этой победы. Плодами победы пользовались новые эксплуататорские классы, приходившие на смену старым. Народ же по-прежнему влачил иго эксплуатации, нищеты и невежества. Смена форм эксплуатации приводила к определенным изменениям в религии, но смена форм эксплуатации не приводила, да и не могла привести к ликвидации религии как формы общественного сознания. Практика классовой борьбы не только не приводила к ликвидации религии, напротив, в некоторых отношениях она закрепляла религию, определяла ее дальнейшее развитие. Достаточно вспомнить хотя бы возникновение христианства, еретические движения, Реформацию.

Производственная практика на протяжении первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального общества находилась на сравнительно низком уровне своего развития и развивалась довольно медленно. В рабовладельческом и феодальном обществе народ был придавлен как силами природы, так и силами общества.

В капиталистическом обществе общественная практика вновь и вновь порождает религию. Однако нельзя не видеть и существенного отличия практики капиталистического общества от практики докапиталистических общественных формаций. Капиталистические производственные отношения в тот период, когда они находились в соответствии с производительными силами, привели к такому бурному развитию производительных сил, какого до тех пор не знала история. Придавленность человека силами окружающей природы была в значительной мере преодолена.

Во всех докапиталистических общественных формациях практика классовой борьбы не могла привести к распространению атеизма среди широких народных масс. Однако положение существенно меняется при капитализме. При капитализме продолжает существовать придавленность человека общественными силами. Рабо-

чий в любое время может превратиться в безработного, нищего. При капитализме у религии по-прежнему есть социальные корни. Но нельзя не учитывать и другую тенденцию развития капиталистического общества. Вместе с развитием капитализма растет и крепнет и его могильщик — пролетариат. Только в капиталистическом обществе трудящиеся и эксплуатируемые народные массы могут сплотиться, пойти на штурм старого общественного строя и ликвидировать всякую форму эксплуатации. Только в капиталистическом обществе возникает класс, способный возглавить народные массы и привести их к победе над эксплуататорами. Сама практическая деятельность народных масс становится критерием для проверки истинности религиозного мировоззрения.

Отныне практика приводит к уверенности широких народных масс в своей победе над эксплуататорами. Рабочий класс спланивается, организуется под руководством марксистских партий, отвоевывает у буржуазии одну позицию за другой, подготавливает социалистическую революцию. Участие пролетариата в революционной борьбе со старым общественным строем способствует его освобождению от влияния религии.

Не только сама победа рабочего класса, но и борьба за эту победу является источником атеизма для рабочего класса. Уже в рамках капиталистического общества атеизм находит все более широкое распространение среди наиболее передовых и сознательных рабочих. Из мировоззрения одиночек атеизм становится мировоззрением масс.

Напротив, практика господствующего класса, обреченного на скорую гибель, способствует росту религиозности в его среде.

Практика рабочего класса, хотя и не позволяет полностью преодолеть религию в рамках капиталистического общества, но уже служит рабочему классу критерием правильной оценки религиозного мировоззрения.

Нужно иметь в виду также и то обстоятельство, что общественная практика вплоть до середины XIX в. не могла послужить исходным пунктом для правильной,

научной теории общественного развития. Марксизм, распространивший материализм на изучение общественных явлений, был, прежде всего, результатом обобщения практики рабочего класса. Тем самым религия и идеализм были изгнаны из последней обширной области своего обитания — из области изучения общественных явлений. Домарксистский атеизм не был способен даже к теоретическому преодолению религии, он не мог вскрыть социальные и гносеологические корни религии. Недостаточно высокий уровень развития практики не давал возможности не только практического, но даже и теоретического преодоления религии. Только марксизм, до конца разоблачивший религию как общественное явление, мог явиться той теоретической базой, на которой возможно формирование атеистического мировоззрения народных масс.

Таким образом, мы вправе говорить о недостаточно высоком уровне общественной практики, неспособном преодолеть религию в силу следующих основных причин. Во-первых, потому, что в процессе этой практики еще не преодолены такие источники религии, как низкий уровень производительных сил, эксплуатация человека человеком, необеспеченность и нищета народных масс, низкий культурный уровень трудящихся. Во-вторых, потому, что в процессе этой практики еще не было создано (вплоть до середины XIX в.) подлинно научной теории, способной правильно истолковать явления общественной жизни.

Религия — это мировоззрение, это система взглядов на мир. Религия — это идеология, имеющая распространение среди самых широких слоев народных масс. Для того, чтобы разоблачить пороки, недостатки мировоззрения, необходим достаточно высокий уровень развития всей *совокупности* общественной практики. Для опровержения религии недостаточно развития какого-либо одного вида практики, например практики научного эксперимента. Для того, чтобы практика стала критерием для правильной оценки религии народными массами, необходим достаточно высокий уровень всей совокупности практической деятельности самих народных

масс. Только практика социализма и коммунизма (практика социалистического производства, практика борьбы за построение коммунистического общества, практика научных экспериментов и наблюдений, в которой участвуют сами народные массы) может обнаружить несостоятельность религии и вскрыть ее реакционную сущность для *всего народа*. Как бы ни была велика роль просвещения в деле борьбы с религией, не просвещение само по себе, а прежде всего сама практическая деятельность является источником атеистического мировоззрения народных масс. Это не значит, конечно, что марксизм недооценивает огромную роль просвещения и, в частности, научно-атеистической пропаганды в процессе формирования атеистического мировоззрения. Речь идет лишь об основе, на которой формируется атеистическое мировоззрение. В ходе строительства социалистического общества в СССР нашло свое полное подтверждение положение классиков марксизма о первенствующей роли общественной практики в деле борьбы за отмирание религии и формирование атеистического мировоззрения народных масс.

Таким образом, для того чтобы стать для народных масс критерием правильной оценки религии, вся совокупность общественной практики должна достичь достаточно высокого уровня в своем развитии.

Практика является критерием для оценки мировоззрения лишь в своей совокупности и в своем развитии. Практика одного человека или даже одного человеческого поколения в данном случае является критерием истины лишь в ограниченной мере. Критерий практики проявляется во всем своем значении лишь в длительной смене человеческих поколений. Это особенно важно учитывать, когда речь идет об идеологиях, наиболее удаленных от своей материальной основы.

Для полного разоблачения религии необходимо высокое развитие ряда других форм общественного сознания, степень развития которых определяется уровнем, достигнутым общественной практикой.

Особенно важным в этом отношении является развитие науки.

Религия, так же как и идеализм, опирается на то, что еще не познано человеческим разумом. Практическое преодоление религии невозможно без теоретического разоблачения ее. Но это теоретическое разоблачение предполагает высокую степень развития науки. «Лишь действительное познание сил природы,— пишет Ф. Энгельс,— изгоняет богов или бога из одной области вслед за другой... В настоящее время этот процесс настолько подвинулся вперед, что теоретически его можно считать законченным»⁴⁸.

Нужно учитывать еще и то обстоятельство, что лишь марксизм сознательно кладет практику в основу теории познания. Разумеется, практика всегда лежит в основе процесса познания. Но этот факт далеко не всегда бывает осознан. Идеализм и религия считают, что не практика обуславливает теорию, а наоборот, теория практику. По их мнению, не теория должна согласоваться с практикой, а практика с теорией. Религиозное учение представляется откровением божьим. Практика должна прийти в соответствие с этим откровением.

Между религией и практикой всегда существует определенный разрыв. Правда, религия в конечном счете обусловлена практикой. Но человеческая практика никогда, даже в эпоху наибольшего господства религиозной идеологии, не может быть полностью приведена в соответствие с учением религии. Никакой религиозный человек не руководствуется в своей жизни последовательно применяемыми положениями религии. Этот разрыв между учением религии и осуществлением этого учения на практике характеризуется церковью как греховность. Вот что говорится в одном из номеров «Журнала Московской патриархии»: «К сожалению, многих из нас (имеются в виду верующие люди.—А. С.) вера как бы ни к чему не обязывает. Она сама по себе, а вся наша жизнь — сама по себе, и мысли наши, и чувства, и дела неизмеримо далеки от нашей веры»⁴⁹.

⁴⁸ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 327.

⁴⁹ «Журнал Московской патриархии», 1959, № 7, стр. 40

Последовательное проведение религиозного мировоззрения на практике сделало бы невозможным существование человеческого общества вообще. Поэтому религия противоречит практике. Она на каждом шагу опровергается практикой. Но недостаточно развитая практика не способна покончить с религией.

Практика рабочего класса в его борьбе с капиталом впервые основательно подрывает господство религиозной идеологии в народных массах. Но лишь практика социалистического и коммунистического строительства способна навсегда покончить с религией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Буржуазные ученые, накопившие большой фактический материал по истории религии, тем не менее, оказались не в состоянии вскрыть действительные причины существования и развития религиозных представлений. Они объясняют возникновение, существование и развитие религии свойствами человеческого духа, поисками ответа на вопросы, поставленные в ходе объяснения действительности, и другими чисто идеальными побуждениями. «Это является потребностью человеческой природы, и в какой-либо форме человек всегда будет творить божество — даже против своей воли», — пишет известный немецкий историк религии А. Эрман¹.

Многие буржуазные историки прибегают просто к божественному вмешательству. Такую богословскую позицию отстаивает, например, А. Мензис в своей «Истории религии»: «Не без божественного призыва, не без божественного руководства человек так рано выступил на поиски бога и так неуклонно шел по этому пути, несмотря на все свои разочарования»². Е. Д. Прайс считает, что пропаганда церковью религиозных взглядов совершалась «при содействии благодати божией»³. Подобную же позицию отстаивает и Э. Бринкман-Меллер: «Это истинное и глубокое религиозное переживание является откровением бога в человеке, просветлением; начинается новое, благочестивое ощущение жизни, об-

¹ А. Ерман. Die Religion der Agypter, S. 4.

² А. Мензис. История религии, стр. 328.

³ Е. Д. Прайс. История религий. СПб., 1904, стр. 70

новляется слух и зрение; сердце идет к новой живой вере»⁴.

Отсюда делается вывод о вечности религии. «Религия несокрушима,—заявляет Э. Бринкман-Меллер,—она является прирожденным свойством человеческой натуры и останется до тех пор, пока существует человек»⁵. Утверждение, что религия прирождена человеку, стало достоянием буржуазных энциклопедий⁶.

Установление социальных и гносеологических корней, вскрытие действительных причин, порождающих религию, опровергает вместе с тем теории врожденности религии, ее божественного происхождения и т. п. Эти теории опровергнуты и на практике — повсеместным ростом атеизма, особенно в социалистических странах.

В социалистическом обществе социальные корни религии оказываются подорванными, и в процессе коммунистического строительства постепенно преодолеваются все причины ее существования. Вместе с тем отмирают гносеологические корни религии.

Гносеологические корни религии представляют собой ее возможность. В определенных социальных условиях эта возможность переходит в действительность. Но сама возможность религии не является вечной; она исторически обусловлена. Сама эта возможность существует лишь при определенных социальных условиях, когда человек имеет возможность стать верующим или атеистом, причем в различных условиях такая возможность бывает различной. Но в коммунистическом обществе самой возможности стать верующим не будет. Это, разумеется, относится к развитому коммунистическому обществу.

В развитом коммунистическом обществе религия будет известна людям лишь из литературных источников и будет представлять для них только исторический интерес. Конечно, останется возможность отдельных

---

⁴ E. Brinkmann-Möller. Mensch und Welt. Kunst und Leben. Affoltern am Albis, 1956, S. 107.

⁵ Там же, S. 107.

⁶ Der Grosse Brockhaus, Bd. 15. Leipzig, 1933, S. 591.

ошибок в процессе познания, но эти ошибки не будут перерастать в такую систему извращенного мировоззрения, какой является религия. Следовательно, ликвидация социальных корней религии с неизбежностью влечет за собой в конечном счете исчезновение и ее гносеологических корней.

Коммунизм — это такой общественный строй будущего, в котором безраздельно господствует атеистическое мировоззрение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основоположники марксизма-ленинизма

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Сочинения, изд. 2, т. 2, стр. 62—67.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Сочинения, т. 3, стр. 16—30, 134—181.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Сочинения, т. 4, стр. 445—449.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. [Рецензия на кн.] Г. Фр. Даумер «Религия нового века. Опыт комбинаторно-афористического основоположения». 2 тома, Гамбург, 1850.— Сочинения, т. 7, стр. 211.
5. Маркс К. Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung». Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 1, стр. 93—113.
6. Маркс К. А. Руге (30 ноября 1842 г.). В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 252.
7. Маркс К. Руге (сентябрь 1843 г.). Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 1, стр. 380.
8. Маркс К. К еврейскому вопросу. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 1, стр. 382—413.
9. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 1, стр. 414—429.
10. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 3, стр. 1—4.
11. Маркс К. Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter». Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 4, стр. 204—205.
12. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 7, стр. 55—56.
13. Маркс К. Речь Мангейфеля.— Религиозное движение в Пруссии.— Воззвание Мадзини.— Лондонский муниципалитет.— Реформы Рассела.— Рабочий парламент. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 9, стр. 529—530.
14. Маркс К. Энгельсу (2 июня 1853 г.). В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. [М.], 1953, стр. 73—74.
15. Маркс К. Антицерковное движение.— Демонстрация в Гайд-парке. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 11, стр. 338—343.
16. Маркс К. К критике политической экономии. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 13, стр. 5—9.
17. Маркс К. Капитал. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 23, стр. 82, 89—90, 383, 635.

18. Маркс К. Критика Готской программы. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1955, стр. 26.
19. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 2, стр. 343—348.
20. Энгельс Ф. Марксу (середина октября 1846 г.). Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XXI. М., 1932, стр. 43—47.
21. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 7, стр. 359—376.
22. Энгельс Ф. Марксу (ок. 24 мая 1853 г.). В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма [М.], 1953, стр. 71—73.
23. Энгельс Ф. Марксу (6 июня 1953 г.). В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. [М.], 1953, стр. 74—76.
24. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1957, стр. 97—98, 299—301, 323—327.
25. Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1955, стр. 138, 141.
26. Энгельс Ф. Бруно Бауэр и раннее христианство. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. О религии. М., 1955, стр. 150—158.
27. Энгельс Ф. Речь на могиле Маркса. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1955, стр. 157.
28. Энгельс Ф. Книга откровения. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. О религии. М., 1955, стр. 159—164.
29. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1955, стр. 235.
30. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1955, стр. 349—350, 359—361, 377—380.
31. Энгельс Ф. Юридический социализм. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. О религии. М., 1955, стр. 206—209.
32. Энгельс Ф. К. Шмидту (5 августа 1890 г.). В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. [М.], 1953, стр. 420—422.
33. Энгельс Ф. И. Блоху (21—22 сентября 1890 г.). В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. [М.], 1953, стр. 422—424.
34. Энгельс Ф. К. Шмидту (27 октября 1890 г.). В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. [М.], 1953, стр. 424—431.
35. Энгельс Ф. Ф. Мерингу (14 июля 1893 г.). В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. [М.], 1953, стр. 461—465.
36. Энгельс Ф. Г. Штаркенбургу (25 января 1894 г.). В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. [М.], 1953, стр. 469—471.
37. Энгельс Ф. К истории раннего христианства. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. О религии. М., 1955, стр. 243—264.
38. Энгельс Ф. Введение [к книге К. Маркса «Классовая

борьба во Франции с 1848 по 1850 г.]. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах, т. I. М., 1955, стр. 109—110.

39. Ленин В. И. Социализм и религия. Сочинения, изд. 4, т. 10, стр. 65—69.

40. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Сочинения, т. 14, стр. 112, 123, 172—174, 217, 294—295.

41. Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии. Сочинения, т. 15, стр. 371—381.

42. Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма. Сочинения, т. 19, стр. 4.

43. Ленин В. И. А. М. Горькому (середина ноября 1913 г.). Сочинения, т. 35, стр. 89—91.

44. Ленин В. И. А. М. Горькому (декабрь 1913 г.). Сочинения, т. 35, стр. 92—94.

45. Ленин В. И. Крах II Интернационала. Сочинения, т. 21, стр. 206.

46. Ленин В. И. О поражении своего правительства в империалистической войне. Сочинения, т. 21, стр. 251.

47. Ленин В. И. Черновой проект тезисов обращения к интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям. Сочинения, т. 23, стр. 200.

48. Ленин В. И. Государство и революция. Сочинения, т. 25, стр. 392.

49. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде рабочих 19 ноября 1918 г. Сочинения, т. 28, стр. 160—162.

50. Ленин В. И. Проект программы РКП(б). Сочинения, т. 29, стр. 89—91, 114.

51. Ленин В. И. В лакейской. Сочинения, т. 2^а, стр. 502.

52. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Сочинения, т. 31, стр. 266.

53. Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. Сочинения, т. 33, стр. 30—31.

54. Ленин В. И. О значении воинствующего материализма. Сочинения, т. 33, стр. 201—210.

55. Ленин В. И. И. И. Скворцову-Степанову (19 марта 1922 г.). Сочинения, т. 36, стр. 523.

56. Ленин В. И. Философские тетради. Сочинения, т. 38, стр. 357—361, 370.

II. Документы Коммунистической партии Советского Союза

57. Программа Российской Коммунистической партии (большевиков). В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7, ч. I. М., 1954, стр. 420—421.

58. О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды. [Резолюция XII съезда РКП(б). 17—25 апреля 1923 г.]. В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7, ч. I. М., 1954, стр. 743—745.

59. О б о ш и б к а х в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения. Постановление ЦК КПСС. 10 ноября 1954 г. В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7, ч. IV. М., 1960, стр. 46—50.

60. О з а д а ч а х партийной пропаганды в современных условиях. Постановление Центрального Комитета КПСС. 9 января 1960 г. В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7, ч. IV. М., 1960, стр. 590—610.

III. Выдающиеся представители марксизма

61. Бебель А. Христианство и социализм. М., 1959.

62. Дицген И. Против идеализма и поповщины. М.—Л., 1926.

63. Крупская Н.К. Антирелигиозная пропаганда. М.—Л., 1929.

64. Лафарг П. Экономический детерминизм Карла Маркса. Исследования о происхождении и развитии идей справедливости, добра, души и бога. В кн.: Лафарг П. Сочинения, т. III. М.—Л., 1931, стр. 101—188.

65. Луначарский А.В. Почему нельзя верить в бога. М., 1958.

66. Луначарский А.В. Религия и просвещение. М., 1925.

67. Плеханов Г.В. Гл. И. Успенский. В кн.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, т. V. М., 1958, стр. 51—52.

68. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. В кн.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, т. I. М., 1956, стр. 508.

69. Плеханов Г.В. Sapit против Канта, или Духовное завещание г. Бернштейна. В кн.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 388—392.

70. Плеханов Г.В. Конспект лекции «Научный социализм и религия». В кн.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 58—66.

71. Плеханов Г.В. Материалистическое понимание истории. В кн.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 634—668.

72. Плеханов Г.В. Несколько слов в защиту экономического материализма. В кн.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 195—209.

73. Плеханов Г.В. О брошюре А. Паннекука. В кн.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 99—103.

74. Плеханов Г.В. О книге Фр. Лютгенау. В кн.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 302—312.

75. Плеханов Г.В. О книге Д. В. Философа. В кн.: Плеханов Г.В. Сочинения, т. XIV. М., [1925], стр. 345—349.

76. Плеханов Г.В. О книге г. В. Шулятикова. В кн.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 319—325.

77. Плеханов Г. В. О материалистическом понимании истории. В кн.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 257—266.

78. Плеханов Г. В. О так называемых религиозных исканиях в России. В кн.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 326—437.

79. Плеханов Г. В. Об «экономическом факторе». Окончательная редакция. В кн.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 292—293.

80. Плеханов Г. В. Ответ на анкету о будущем религии, проведенную журналом «Mensure de France». В кн.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 104—105.

81. Плеханов Г. В. Очерки по истории материализма. В кн.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 33—194.

82. Плеханов Г. В. Письма без адреса. В кн.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. V. М., 1958, стр. 362—365.

83. Плеханов Г. В. Предисловие к книге А. Деборина «Введение в философию диалектического материализма». В кн.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 614—638.

84. Скворцов-Степанов И. И. Религия и общественный строй. В кн.: Скворцов-Степанов И. И. Избранные атеистические произведения. М., 1959, стр. 208—221.

85. Сталин И. В. По поводу смерти Ленина. В кн.: Сталин И. В. Сочинения, т. 6. М., 1954, стр. 47.

86. Хрущев Н. С. Беседа с главой американского газетно-издательского треста В. Р. Херстом 22 ноября 1957 г. В кн.: Хрущев Н. С. За прочный мир и мирное сосуществование. М., 1958, стр. 313—316.

87. Хрущев Н. С. Беседа с корреспондентом газеты «Фигаро» 19 марта 1958 г. В кн.: Хрущев Н. С. К победе в мирном соревновании с капитализмом. М., 1959, стр. 157.

88. Хрущев Н. С. Пресс-конференция Председателя Совета Министров СССР в Вашингтоне 27 сентября 1959 г. В кн.: Хрущев Н. С. Мир без оружия — мир без войн, т. 2. М., 1960, стр. 278.

89. Ярославский Е. М. Как рождаются, живут и умирают боги и богини. В кн.: Ярославский Е. М. О религии. М., 1958, стр. 339—519.

IV. Материалисты домарксистского периода о происхождении религии

90. Бэкон Ф. Новый органон. М., 1938.

91. Белинский В. Г. А. И. Герцену (26 января 1845 г.). В кн.: Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, т. XII. М., 1956, стр. 250.

92. Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938.
93. Герцен А. И. Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ. В кн.: Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах, т. XV. М., 1958, стр. 133—138.
94. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. [М], 1936.
95. Гольбах П. Письма к Евгении.— Здравый смысл. М., 1956.
96. Гольбах П. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. М., 1940.
97. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. В кн.: Дарвин Ч. Сочинения, т. 5. М., 1953, стр. 210—213, 650—651.
98. Дидро Д. Избранные атеистические произведения. М., 1956.
99. Добролюбов Н. А. Буддизм. его догматы, история и литература. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. В кн.: Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений, т. 3. М., 1936, стр. 412—423.
100. Лукиан. Избранные атеистические произведения. М., 1955.
101. Лукреций К. Т. О природе вещей. М., 1958.
102. Марешаль С. Избранные атеистические произведения. М., 1958.
103. Материалисты древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955.
104. Мелье Ж. Завещание, т. I—III. М., 1954.
105. Писарев Д. И. Аполлоний Тианский. В кн.: Писарев Д. И. Сочинения, изд. 5, т. 2. СПб., 1911, стр. 1—166.
106. Писарев Д. И. Исторические идеи Огюста Конта. В кн.: Писарев Д. И. Сочинения, изд. 5, т. 5. СПб., 1911, стр. 305—452.
107. Писарев Д. И. Очерки из истории труда. В кн.: Писарев Д. И. Сочинения в четырех томах, т. 2. М., 1955, стр. 231—233.
108. Спиноза Б. Богословско-политический трактат... В кн.: Спиноза Б. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1957, стр. 5—284.
109. Толанд Д. Письма к Серене. В кн.: Толанд Д. Избранные сочинения. М.—Л., 1927, стр. 1—134.
110. Фейербах Л. Лекции о сущности религии. В кн.: Фейербах Л. Избранные философские произведения, т. II. М., 1955, стр. 490—894.
111. Фейербах Л. Основные положения философии будущего. В кн.: Фейербах Л. Избранные философские произведения, т. I. М., 1955, стр. 134—204.
112. Фейербах Л. Сущность религии. В кн.: Фейербах Л. Избранные философские произведения, т. II. М., 1955, стр. 421—489.
113. Фейербах Л. Сущность христианства. В кн.: Фейербах Л. Избранные философские произведения, т. II. М., 1955, стр. 7—405.
114. Французские просветители XVIII в о религии М. 1960

115. Чернышевский Н. Г. Замечания на книгу Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии». В кн.: Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений, т. XVI. М., 1953, стр. 545—547, 550—551.
116. Чернышевский Н. Г. Критический взгляд на современные эстетические понятия. В кн.: Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1949, стр. 153—154.
117. Чернышевский Н. Г. Примечания к переводу «Введения в историю XIX века» Г. Гервинуса. В кн.: Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений, т. X. М., 1951, стр. 441—453.

V. Работы советских авторов

118. Кривелев И. А. Гносеологические корни религии. В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. VI. М., 1958, стр. 36—74.
119. Кривелев И. А. Социальные и гносеологические корни религии. В кн.: Наука и религия. (Сборник стенограмм лекций, прочитанных на Всесоюзном совещании-семинаре по научно-атеистическим вопросам). М., 1957, стр. 28—49.
120. Лебединец Г. М. О корнях религии. Львов, 1959.
121. Левада Ю. А. К вопросу о социальных корнях религиозности в современном буржуазном обществе. «Вопросы философии», 1959, № 4, стр. 64—73.
122. Сухов А. Д. Гносеологические корни религии. «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1958, № 4, стр. 102—112.
123. Сухов А. Д. Социальные корни религии. «Наука и жизнь», 1958, № 1, стр. 57—61.
124. Федосеев П. Н. Гносеологические корни религиозных представлений. «Антирелигиозник», 1939, № 8, стр. 5—10.
125. Федосеев П. Н. Ленин о социальных и гносеологических корнях религии. «Под знаменем марксизма», 1933, № 4, стр. 159—178.
126. Черкашин П. П. О социальных корнях религии. «Вопросы философии», 1958, № 6, стр. 29—41.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. <i>Социальные корни религии</i>	8
1. Сущность социальных корней религии	8
2. Социальные корни религии при первобытнообщинном строе	24
3. Социальные корни религии в классовом обществе	30
4. Коммунистическое общество и религия	79
Глава вторая <i>Гносеологические корни религии</i>	88
1. Активность сознания и религия	92
2. Абстрактное мышление и религия	105
3. Метафизика и религия	112
4. Образное отражение действительности в религии	116
5. Практика и религия	119
Заключение	129
Литература	132

А. Д. Сухов

**Социальные и гносеологические
корни религии**

*Утверждено к печати
Институтом философии Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. Ф. Дубовиков*
Технический редактор *О. М. Гуськова*

Сдано в набор 19/X 1960 г. Подписано к печати 30/1 1961 г.
Формат 84x108²/₃₂ Печ. л. 4,38 Усл.-печ. л. 7,18 2/3-подл. л. 6,9

Тираж 4000 экз. Т-00045 Изд. № 5162. Тип. зак. 3563
Цена 41 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-03, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-90, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
62	2 ст.	являющейся	являвшейся
63	9 ст.	также	так же
79	16 ст.	Единственный	Единственной

41 к.